

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

2020 | 16+

ISSN 2713-1688 (print)
ISSN 2713-1696 (online)

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Международный научный журнал
Выпуск №4 (5)

ETHNIC CULTURE

International academic journal
Issue №4 (5)

Этническая культура

Международный научный журнал
Выпуск 4 (5) | 2020

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомиться со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

- Вопросы методологии изучения этнических процессов
- Проблемы сохранения этнических культур
- Этнические и этнокультурные процессы в современном обществе
- Вопросы истории и теории искусств
- Проблемы межъязыковой и межкультурной коммуникации
- Современные социокультурные процессы
- История, теория и практика этнокультурного образования
- Этнокультурные и социокультурные проблемы образования
- Дискуссионный клуб: прогнозы, идеи и инновации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация
Арестова Вероника Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация

ПЕРЕВОДЧИК:

Фомин Михаил Юрьевич

КОРРЕКТОР:

Миронова Людмила Сергеевна

ДИЗАЙН:

Фирсова Надежда Васильевна

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Миронова Людмила Сергеевна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Артеменко Ольга Ивановна, канд. биол. наук, член-корреспондент РАЕН, доцент, руководитель Центра этнокультурной стратегии развития образования ФГБУ «Федеральный институт развития образования», Москва, Российская Федерация
Арябкина Ирина Валентиновна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», Ульяновск, Российская Федерация
Бушуева Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, доцент БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, старший научный сотрудник БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Минобразования Чувашии, заслуженный работник культуры ЧР, Чебоксары, Российская Федерация
Гореева Татьяна Юрьевна, д-р культурологии, доцент ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры», Казань, Российская Федерация
Жерносенко Ирина Александровна, д-р филос. наук, доцент, профессор РАЕ, проректор ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры», Барнаул, Российская Федерация
Иванова Алена Михайловна, д-р филол. наук, заведующая кафедрой, декан факультета ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация
Кузнецова Людмила Васильевна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Чебоксары, Российская Федерация
Кульчер Валерия, канд. ист. наук, доцент кафедры археологии Университета Сегеда, Сегед, Венгрия
Кучаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт языкознания РАН», Москва, Российская Федерация
Лобачевская Ольга Александровна, д-р искусствоведения, профессор Белорусского государственного университета культуры и искусств, Минск, Республика Беларусь
Лултонен Иорма, д-р филос. наук, доцент, научный сотрудник Университета г.Турку, Турку, Финляндия
Масанори Гото, д-р гуманитарных наук, профессор, научный сотрудник Хоккайдского университета, Хоккайдо, Япония
Мухтарова Шакира Мухамедовна, д-р пед. наук, профессор Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан
Панькин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Гордодовикова», Элиста, Российская Федерация
Сайдашева Земфира Нурмухаметовна, д-р искусствоведения, профессор ФГБОУ ВО «Казанская государственная консерватория им. Н. Жиганова», Казань, Российская Федерация
Сафина Лилиана Михайловна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)», Москва, Российская Федерация
Спирidonова Анастасия Александровна, канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова», Ульяновск, Российская Федерация
Султанбаева Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», Абакан, Российская Федерация
Таймасов Леонид Александрович, д-р ист. наук, профессор ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация
Терехов Павел Петрович, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры», Казань, Российская Федерация
Тихонова Анна Юрьевна, канд. пед. наук, д-р культурологии ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова», Ульяновск, Российская Федерация
Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Республика Марий Эл, Российская Федерация
Хайруллин Мухиддин Айиддинович, д-р пед. наук, профессор ГБОУ ДПО «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования», Симферополь, Российская Федерация
Хрисанова Елена Геннадьевна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Чебоксары, Российская Федерация
Цылазова Зарфа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Орден Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Москва, Российская Федерация
Шкалина Галина Евгеньевна, д-р культурологии, профессор, заведующая кафедрой ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Республика Марий Эл, Российская Федерация
Яниогло Мария Александровна, д-р пед. наук, доцент Комратского государственного университета, Комрат, Республика Молдова

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года (Свидетельство о регистрации ПИ №Фс77-76946 от 09 октября 2019 г.)
DOI	10.31483/a-10215
Год основания	2019
Периодичность	4 раза в год
Учредители журнала	БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии; ООО «Издательский дом «Среда»
Издатель журнала	ООО «Издательский дом «Среда»
Адрес редакции и издателя	428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12
Сайт	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Телефон	+7 (8352) 655-731
Подписка и распространение	Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com . Свободная цена.
Типография	Студия печати «Максимум», 428023, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047. Печать цифровая. Бумага мелованная. Формат 60×84 %. Усл. печ. л. 5,81. Заказ К-764. Тираж 100 экз.
Подписано в печать	29.12.2020
Дата выхода в свет	30.12.2020

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Issue 4 (5) | 2020

"Ethnic Culture" is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

- Methodological Questions for Studying Ethnic Processes
- Problems of Ethnic Cultures Preservation
- Ethnic and Ethno-Cultural Processes in Modern Society
- History and Theory of Art Questions
- Problems of Crosslinguistic and Intercultural Communication
- Modern Sociocultural Processes
- History, Theory and Practice of Ethno-Cultural Education
- Ethno-Cultural and Socio-Cultural Problems of Education
- Debating Club: Forecasts, Ideas and Innovations

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philosophic sciences, associate professor, rector of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Veronika Yu. Arestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

TRANSLATOR:

Anastasiya A. Kuzmina

PROOF-READER:

Lyudmila S. Mironova

DESIGN:

Nadezhda V. Firsova

COMPUTER LAYOUT:

Lyudmila S. Mironova

EDITORIAL BOARD:

Olga I. Artemenko, candidate of biological sciences, corresponding member of RANS, associate professor, head of Center for ethnocultural strategy of education development FSBI "Federal Institute of education development", Moscow, Russian Federation

Irina V. Aryabkina, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Ilya Ulyanov State Pedagogical University", Ulyanovsk, Russian Federation

Lyubov I. Bushueva, candidate of art history, associate professor of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, senior research fellow BSI "Chuvash State Institute of Humanities" of the Ministry of Education of the Chuvash Republic, Honored worker of culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Tatyana Yu. Gordeeva, doctor of cultural studies, associate professor of FSBEI of HE "Kazan State Institute of Culture", Kazan, Russian Federation

Irina A. Zheronosenko, doctor of philosophical sciences, associate professor, professor of Russian Academy of Science, vice-rector of FSBEI of HE "Altai State Institute of Culture", Barnaul, Russian Federation

Alena M. Ivanova, doctor of philological sciences, head of the department, dean of the faculty of FSBEI of HE "I.N. Ulyanov Chuvash State University", Cheboksary, Russian Federation

Lyudmila V. Kuznetsova, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Chuvash State Pedagogical University named I. Y. Yakovlev", Cheboksary, Russian Federation

Kulcsár Valéria, candidate of historical sciences, associate professor of Archaeology Department of University of Szeged, Szeged, Hungary

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of FPFIS "Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences", Moscow, Russian Federation

Olga A. Lobachevskaya, doctor of art history, professor of The Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus

Luutonen Jorma, doctor of philosophical sciences, associate professor, research fellow of University of Turku, Turku, Finland

Masanori Goto, doctor of humanities, professor, research fellow of Hokkaido University, Hokkaido, Japan

Shakira M. Muhtarova, doctor of pedagogical sciences, professor of Karaganda State University named after academician E.A. Buketov, Karaganda, Republic of Kazakhstan

Arkadij B. Pankin, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Kalmik State University named after B.B. Gorodovikov", Elista, Russian Federation

Zemfira N. Sajdashova, doctor of art history, professor of FSBEI of HE "Kazan State Conservatoire named after N. Zhiganov", Kazan, Russian Federation

Liliana M. Safina, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of FSBEI of HE "Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)", Moscow, Russian Federation

Anastasiya A. Spiridonova, candidate of pedagogical sciences, associate professor of FSBEI of HE "Ilya Ulyanov State Pedagogical University", Ulyanovsk, Russian Federation

Klaviya I. Sultanbaeva, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "N.F. Katanov Khakas State University", Abakan, Russian Federation

Leonid A. Taimasov, doctor of historical sciences, professor of FSBEI of HE "Ilya Ulyanov Chuvash State University", Cheboksary, Russian Federation

Pavel P. Terekhov, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Kazan State Institute of Culture", Kazan, Russian Federation

Anna Yu. Tihonova, candidate of pedagogical sciences, doctor of cultural studies of FSBEI of HE "Ilya Ulyanov State Pedagogical University", Ulyanovsk, Russian Federation

Svetlana N. Fedorova, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Mari State University", the Republic of Mari El, Russian Federation

Muhiddin A. Hajruddinov, doctor of pedagogical sciences, professor of SBEI of FPE of the Republic of Crimea "Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education", Simferopol, Russian Federation

Elena G. Hrisanova, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Chuvash State Pedagogical University named I. Y. Yakovlev", Cheboksary, Russian Federation

Zariya B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of FPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

Galina E. Shkalina, doctor of art history, professor, head of the department of FSBEI of HE "Mari State University", the Republic of Mari El, Russian Federation

Mariya A. Yanioglo, doctor of pedagogical sciences, associate professor of State University of Comrat, Comrat, Republic of Moldova

Authority registered	Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (The certificate of printed edition registration: ПИ №ФЦ77-76946 of 9 October 2019)
DOI	10.31483/a-10215
Year of Foundation	2019
Publication Frequency	Quarterly
Founders	BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic; LLC "Publishing house "Sreda"
Publisher	LLC "Publishing house "Sreda"
Postal address	75 Grazhdanskaya St., off 12, Cheboksary, 428023, Russian Federation
Web-site	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Tel.	+7 (8352) 655-731
Subscription and distribution	The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com
Printing House	Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Coated paper. Format 60×84 1/8. Conditional printed pages 5,81. Order K-764. Circulation 100 copies.
Signed in the print	29 December 2020
Date of publication	30 December 2020

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
--------------------	---

Вопросы истории и теории искусств

<i>Агакова А.Л.</i> Песня «Вёҫ, вёҫ, куккук» как феномен музыкально-поэтического творчества чувашского народа.....	6
<i>Катерева И.Е.</i> Современный молдавский театр: возвращение к истокам	11
<i>Кузьмин Ю.А.</i> Специфика мозаичного метода отражения элементов этнической культуры	17

Этнические и этнокультурные процессы в современном обществе

<i>Арестова В.Ю.</i> Некоторые факты об обрядово-игровых традициях в их театральном аспекте (на примере основных этнических групп Чувашской Республики).....	20
<i>Степанова О.Б.</i> Сакральный ландшафт северных селькупов: святилище Лозыль-лакка на озере Лозыль-то..	23

Проблемы межъязыковой и межкультурной коммуникации

<i>Иванова А.М., Фомин Э.В.</i> Иностраный пласт чувашской книги	28
<i>Мельник В.М.</i> К вопросу о культурно-юридическом взаимодействии Сасанидского Ирана и Восточной Римской империи	33
<i>Фомин Э. В., Ерина Т. Н.</i> О словаре чебоксарского региолекта русского языка.....	39

История, теория и практика этнокультурного образования

<i>Неймохова В.Е.</i> Этнокультурная компетентность учителей иностранных языков для общеобразовательных организаций (на примере Республики Саха (Якутия)).....	43
--	----

From the editor-in-chief.....	5
-------------------------------	---

History and Theory of Art Questions

<i>Alisa L. Agakova</i> Song «Fly, Fly, Cuckoo» as a Phenomenon of Musical and Poetic Work of the Chuvash People ...	6
<i>Irina E. Katereva</i> Modern Moldovan Theatre: A Return to the Origins	11
<i>Yuri A. Kuzmin</i> Specifics of the Mosaic Reflection Method of Elements of Ethnic Culture	17

Ethnic and Ethno-Cultural Processes in Modern Society

<i>Veronika Ju. Arestova</i> Some Facts of Main Ethnic Groups' Ceremonial-Game Traditions in Their Theatrical Aspect in the Chuvash Republic	20
<i>Olga B. Stepanova</i> The Sacred Landscape of the Northern Selcups: The Losyl-Lakka Sanctuary on Lozyl-to Lake	23

Problems of Crosslinguistic and Intercultural Communication

<i>Alena M. Ivanova, Eduard V. Fomin</i> Foreign Layer of the Chuvash Book.....	28
<i>Viktor M. Melnyk</i> On the Question Legal and Cultural Interaction Between the Sasanian Iran and the Eastern Roman Empire	33
<i>Eduard V. Fomin, Tamara N. Erina</i> About the Dictionary of the Cheboksary Regional Speech of the Russian Language.....	39

History, Theory and Practice of Ethno-Cultural Education

<i>Vera E. Neimokhova</i> Ethno-Cultural Competence of Foreign Language Teachers for General Education Institutions (On Example of the Republic of Sakha (Yakutia))	43
---	----

Дорогие читатели и авторы!

В 2020 году журнал «Этническая культура» продолжил публиковать статьи современных исследований. Материалы, поступившие в редакцию, имели отношение к этнокультурным и социокультурным проблемам образования, вопросам сохранения этнических культур, межъязыковой и межкультурной коммуникации, истории и теории искусств. В числе наших авторов сегодня представители самых разных областей знаний: педагогики, психологии, филологии, истории, искусствоведения, культурологии. Это вызвано не только нашим желанием опубликовать как можно больше интересных научных текстов этнокультурной направленности, но и представить все возможные аспекты этнокультурных явлений и процессов. Мы приглашаем всех заинтересованных авторов и читателей к сотрудничеству.

Редакция и редколлегия выражают искреннюю благодарность всем внешним экспертам журнала «Этническая культура», которые поделились своим профессиональным мнением о публикуемых материалах. Мы намерены продолжить творческое сотрудничество с ними и последовательно будем выполнять главную миссию журнала – развитие плодотворного диалога, обмен опытом в области искусства, культуры, науки и образования для представителей различных этносов. Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желают авторам и читателям крепкого здоровья, новых научных открытий и творческих свершений! Пусть трудолюбие, искренность, профессионализм позволяют решать самые сложные задачи, покорять любые вершины!

С искренними пожеланиями

Баскакова Н.И.,
ректор Чувашского государственного института культуры и искусств,
кандидат философских наук

Dear readers and authors!

In 2020, the academic journal "Ethnic culture" continued to publish articles of modern research. The materials received by the editorial were related to ethno-cultural and socio-cultural problems of education, issues of preservation of ethnic cultures, inter-linguistic and intercultural communication, history and theory of arts. Among our authors today are representatives of various fields of knowledge: pedagogy, psychology, philology, history, art history, cultural studies. This caused not only by our desire to publish as many interesting scientific texts of ethno-cultural orientation as possible, but also to present all possible aspects of ethno-cultural phenomena and processes. We invite all interested authors and readers for cooperation.

The editorial and editorial board express their sincere gratitude to all external experts of the academic journal "Ethnic culture", who shared their professional opinion about the published materials. We intend to continue creative cooperation with them and will consistently fulfill the main mission of the academic journal-the development of an effective dialogue, exchange of experience in the fields of art, culture, science and education for representatives of various ethnic groups. The editorial board, research team and management of the Chuvash state Institute of culture and arts wish the authors and readers good health, new scientific discoveries and creative achievements! Let hard work, sincerity, professionalism allow you to solve the most difficult tasks, to conquer any peaks!

Sincere wishes

Natalia I. Baskakova,
rector of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
candidate of philosophical sciences

Песня «Вёс, вёс, куккук» как феномен музыкально-поэтического творчества чувашского народа

DOI 10.31483/r-97474

УДК 784.4

Агакова А.Л.

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0001-6366-0653>, e-mail: alya.agakova@mail.ru

Резюме: В статье рассматриваются смысловые и аксиологические основы «Вёс, вёс, куккук» (Лети, лети, кукушка) – наиболее востребованного произведения чувашского песенного фольклора. *Цель работы* – установление истории песни со времени первой фиксации и анализ ее профессиональных обработок. Автором практикуется краткое обобщенное описание наиболее характерных черт каждой обработки. Данный подход позволяет явственно прочувствовать индивидуальный почерк каждого композитора. Выводы исследования строятся на методах сравнения и обобщения. Мелодия этой песни вдохновила чувашских и русских композиторов на создание произведений разного жанра: вокальных, хоровых, инструментальных. Она уникальна по количеству обработок: их насчитывается более 30 – так часто композиторы не обращались ни к одной чувашской песне. В статье рассматриваются самые яркие и характерные примеры обработок мелодии песни. Автор анализирует работы С.М. Максимова, А.Г. Орлова-Шузьма, Г. Хирбю, А. Петрова, Г. Анчикова, В. Белого и др. Делается *вывод*, что включение в учебный процесс таких образцов народного творчества, как песня «Вёс, вёс, куккук», и произведений, которые созданы на тему этой песни, способствуют повышению уровня музыкальной культуры, формированию уважения к родному народу и его традициям.

Ключевые слова: чувашская народная песня, фольклор, композиторское творчество.

Для цитирования: Агакова А.Л. Песня «Вёс, вёс, куккук» как феномен музыкально-поэтического творчества чувашского народа // Этническая культура. – 2020. – № 4 (5). – С. 6-10. DOI:10.31483/r-97474.

Song «Fly, Fly, Cuckoo» as a Phenomenon of Musical and Poetic Work of the Chuvash People

Alisa L. Agakova

BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0001-6366-0653>, e-mail: alya.agakova@mail.ru

Abstract: The article examines the semantic and axiological foundations of «Fly, fly, cuckoo» – the most popular work of Chuvash song folklore. *The purpose of the work* is to establish the history of the song from the moment of the first recording and analyze its professional processing. The author practices a short generalized description of the most characteristic features of each artistic treatment. This approach allows to clearly feel the individual handwriting of each composer. The research results are based on comparison and generalization methods. The melody of this song inspired the Chuvash and Russian composers to create works of different genres: vocal, choral, instrumental. It is unique in terms of the number of adaptations: there are more than 30 of them – so often composers did not pay attention to any Chuvash song. The article discusses the most vivid and characteristic examples of processing the melody of a song. The author analyzes the works of S. M. Maksimov, A. G. Orlov-Shuzm, G. Khirbyu, A. Petrov, G. Anchikov, V. Bely and others. *The inclusion* in the educational process of such examples of folk art as the song «Fly, fly, cuckoo», and works created on this topic, contributes to an increase in the level of musical culture, the formation of respect for indigenous peoples and their traditions.

Keywords: Chuvash folk song, folklore, composition.

For citation: Agakova A.L. (2020). Song «Fly, Fly, Cuckoo» as a Phenomenon of Musical and Poetic Work of the Chuvash People. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(5), 6-10. (In Russ.) DOI:10.31483/r-97474.

Введение

Одной из известных и востребованных чувашских народных песен современности является песня «Вёс, вёс, куккук» (Лети, лети, кукушка). Популярность этой песни скорее всего диктуется исходно заложенным в ней мощным музыкальным потенциалом и широкими возможностями ее индивидуальной композиторской и исполнительской интерпретации. По сути, настоящее произведение выступает квинтэссенцией песенного фольклора чувашей.

Методы

Настоящая публикация продолжает изыскания автора, посвященные чувашской народной песне «Вёс, вёс, куккук» [1]. Цель работы – установить историю песни со времени первой фиксации и проанализировать ее профессиональные обработки. В работе практикуется обобщенное описание характерных черт наиболее известных обработок. В итоге такого подхо-

да к материалу отчетливо можно осознать индивидуальный почерк композиторов. Исследование строится на методах сравнения и обобщения.

Результаты исследования

Чувашское профессиональное музыкальное искусство восходит ко временам Симбирской чувашской учительской школы, созданной просветителем И.Я. Яковлевым в 1868 г. Из ее стен вышли выдающиеся деятели искусств С. Максимов, Ф. Павлов, В. Воробьев, И. Максимов-Кошкинский и многие другие.

В школе, наряду с другими дисциплинами, большое внимание уделялось фольклору и его изучению, и первые попытки гармонизации чувашских народных мелодий проводились в рамках учебной деятельности.

Как отмечал музыковед Ю.А. Илюхин, «в музыке чувашей издавна видели источник радости и счастья, поэтому они относились к ней с особым уважением.

В древности они верили в ее божественную силу и думали, что музыка может «заорожить», «заколдовать» и человека, и животных, и саму природу. Песня делила с народом и горе, и радость: люди радуются, и песня радуется, люди печалются, и песня грустит...» [4, с. 3].

Черты мелоса, метроритмические особенности, жанровое разнообразие фольклорных мелодий, композиторы использовали в своих сочинениях. Впоследствии изучение и использование национального творчества послужило основой развития профессионального и любительского композиторского творчества Чувашии.

В 2001 г. профессор Г.Н. Волков опубликовал эссе «Виçе юрă» (Три песни) [2]. Из всего песенного наследия чувашского народа им были выделены три песни, три музыкальных символа, которые, по его мнению, наиболее глубоко выражали духовный мир человека, его надежды и чаяния, эмоции и размышления:

1) рекрутская «Уй варринче» (Посреди поля), в которой выражена глубокая драма расставания молодого человека со своей семьей, ведь служба при царском режиме составляла 25 лет;

2) обрядово-застольная «Ака-суха юрри» (Посевная песня), которая является гимном землепашцу, крестьянской жизни: в ней обожествляется самое святое для него – плуг, родители, земля, урожай;

3) гостевая шуточная «Вёç, вёç, куккук», обращенная к загостившим родственникам и не имеющая подтекста и глубокого смысла.

Текст песни «Вёç, вёç, куккук»:

*Вёç-вёç, куккук, вёç, куккук,
Върман хёрне çитиччен.
Върман хёрне çитессён
Юман çине ларса кан.
Çат-çат, хата, çат, хата,
Эпир тухса кайиччен.
Эпир тухса кайсассан
Кёреке умне ларса кан.
Вёç-вёç, шатчак, вёç, шатчак,
Върман хёрне çитиччен.
Върман хёрне çитессён
Çака çине ларса кан.
Çат-çат, тэхлач, çат, тэхлач,
Эпир тухса кайиччен.
Эпир тухса кайсассан
Тушек çине ларса кан.*

The image shows a musical score for a Chuvash choral piece. It consists of two systems of staves. The first system has four vocal parts: Soprano (C), Alto (A), Tenor (T), and Bass (B), plus a piano accompaniment part. The second system continues the vocal parts and piano accompaniment. The lyrics are written in Chuvash and Russian. The tempo is marked 'Sostenuto' and the dynamics are 'mf'.

Рис. 1. Фрагмент песни в обработке С. Максимова (Жирнова Л. Чувашская хоровая литература. Чебоксары, 1976. С. 117–120)

Fig. 1. Fragment of a song edited By S. Maksimov (Zhirnova L. Chuvash choral literature. Cheboksary, 1976. Pp. 117–120)

Известно, что песня впервые была зафиксирована С.М. Максимовым в 1926 г. у жителя д. Старые Яхакасы Вурнарского района Чувашской Республики М. Дмитриева и опубликована в сборнике «Тури чăвашсен юррисем» (Песни верховых чувашей) в 1932 г. [6], см. также: [5].

Мелодия песни явно контрастирует с незатейливым сюжетом, она выразительна, ее распевы раскрывают спектр человеческих эмоций, от грусти до мечты о свободе, просторе, любви.

Лети, лети, кукушка,
До края леса.
Когда долетишь до края леса,
Сядь и отдохни на дубе.
Терпи, терпи, сват, терпи, сват,
Пока мы не уйдем.
А когда мы уйдем,
Сядь за стол и отдохни.
Лети, лети, соловей,
До края леса.
Когда долетишь до края леса.
Сядь и отдохни на липе.
Терпи, терпи, сватья, терпи, сватья,
Пока мы не уйдем.
А когда мы уйдем,
Сядь на перину и отдохни
(Пер. наш. – А.А.).

Согласно исследованиям М.Г. Кондратьева, «напев «В[ёç], в[ёç], к[уккук]» является одним из шедевров музыкальной фантазии чуваш[ского] народа. Характерные для него интонации разложенных малого квартсектаккорда и трезвучия сочетаются с архаичными пентатон[ическими] трихордовыми оборотами. Они естественны для «минорной» пентатоники наклонения «е» и вместе с тем созвучны интонациям современ[ной] тональной песен[ной] мелодики, что органично вводит мелодию в современ[ное] музыкальное сознание. Более чем полтораоктавный диапазон, «раздумчивые» затягивания концовок полустроф придают напеву широту» [5, с. 316].

Известно, что в фольклорном и профессиональном творчестве чувашского народа, воспевавшем картины природы, множество напевов было посвящено именно кукушке. Таковы, например, песни «Авăтат куккук» (Кукует кукушечка) в обработке А. Тогаева, «Хурăнлăхра куккук» (В роще кукушка) в обработке Р. Ильгачевой, «Куккук» (Кукушка) Ф. Лукина и Г. Хирбю.

Надо отметить, что песня «Вёç, вёç, куккук» является феноменаль-

Рис. 2. Фрагмент песни в обработке А. Орлова-Шузьма
(Орлов-Шуцьам А.Г. Тул сүтăлсан. Шупашкар, 1976. С. 47–51)

Fig. 2. Fragment of a song arranged by A. Orlov-Shuzma
(Orlov-Shuscham A.G. Tul schutalsan. Shupashkar, 1976. Pp. 47–51)

ной по числу обращений к ней композиторов. Уникальная по красоте мелодия по настоящее время вдохновляет композиторов и исполнителей разного стиля и жанра. На ее основе созданы десятки произведений: вокальных, хоровых, инструментальных, фортепианных, для вокально-инструментального ансамбля, камерного оркестра, духового оркестра, электронных инструментов, джазового исполнения и др. Мы считаем, что каждый музыкант, который интерпретировал мелодию этой песни, находил в ней образы и эмоции, раскрывающие его внутренний духовный мир.

Впервые тема песни «Вёс, вёс, куккук» была обработана композитором С. Максимовым (см. рис. 1) и прозвучала а сарпелла в исполнении Чувашского государственного хора (ныне Чувашского государственного академического ансамбля песни и танца).

Композитор интерпретировал ее в суровом драматическом характере, определил темп для исполнения *sostenuto*, т. е. сдержанно. Таким образом художественный образ песни в обработке С. Максимова раскрывает и мудрость народа, и переживания о нелегкой жизни, при этом в ней звучат и оптимистические ноты. В интерпретации композитора применяются октавные унисоны, подчеркивающие содержание фольклорного первоисточника. В целом же обработка выдержана в стиле строгой фактуры хорального типа.

Известен такой факт: ансамбль в 1939 г. принял участие в смотре десяти лучших чувашских коллективов в Москве. В концертах в числе других прозвучала и песня «Вёс, вёс, куккук». По воспоминаниям

дочери С. Максимова Галины, работавшей концертмейстером, именно эта песня более всего понравилась И.В. Сталину [7, с. 55–56].

Трактовка А. Орлова-Шузьма песни «Вёс, вёс, куккук» перекликается с обработкой С. Максимова (см. рис. 2).

Песня также выдержана в трагических и суровых нотах, что подчеркивает тембр голосов, использованный композитором. В заключении хора звучит элемент звукоподражания кукушке – партия сопрано. Об-

работка отличается традиционными классическими гармоническими приемами, которые придают ей завершенность, цельность, раскрывают художественный образ.

Вариант обработки песни «Вёс, вёс, куккук» Г. Хирбю написан уже в лирическом ключе (см. рис. 3).

Композитор интерпретирует песню в светлом и радостном характере, ее ритмические особенности перерабатываются, появляется партия фортепиано в танцевальном ритме в присущей для композитора фактуре с октавными удвоениями и разложенными аккордами.

Вариант Г. Хирбю можно трактовать как медленный вальс или романс. Он считается одним из интересных примеров авторского прочтения песни. Когда Хирбю пользуется народной музыкой, отмечал Л. Агаков, он смотрит на нее не только глазами гармонизатора, а старается увеличить звучность этих мелодий, чтобы они еще больше взволновали сердца слушателей.

Рис. 3. Фрагмент песни в обработке Г. Хирбю
(Хрестоматия чувашских народных песен и песен композиторов Чувашии. Т. 4. Чебоксары, 2008. С. 136–139)

Fig. 3. Fragment of a song edited by G. Khirbyu
(Chuvash folk songs and songs of composers of Chuvashia. Vol. 4. Cheboksary, 2008. Pp. 136–139)

Рис. 4. Фрагмент песни в обработке А. Петрова
(неустановленный источник)

Fig. 4. Fragment of a song edited by A. Petrov
(unidentified source)

Интересную и оригинальную трактовку песни создал А. Петров. Он обработал ее фактурными оборотами с элементами джаза (см. рис. 4).

При этом фортепианное вступление и окончание органично вписываются в тему песни, подчеркивая нежный, лирический характер прочтения композитором мелодии с элементами грусти. Разложенные аккорды, модуляции, ярко окрашивают обработку. Автор считает, что ее можно исполнять как сольную пьесу,

исполнять не только с вокалистом, но и с различными инструментами, например, с саксофоном.

К лучшим произведениям чувашской камерно-инструментальной музыки можно отнести вариации для фортепиано на тему народной песни «Вёс, вёс, кук-кук» Г. Анчикова.

Ноты вариаций были изданы в Минске в 1955 г. – в городе, в котором он прожил свою жизнь. «...Композитор создал девять вариаций, связанных с различными жанрово-характерными образами. Основная тема звучит то в стиле токкаты или скерцо, то в характере широкой лирической песни, разукрашенной мелизмами, то с элементами драматизма или с эпическим оттенком. Лирические образы чередуются с мужественными, энергичными, легкое, виртуозное, а порой изящное, танцевальное движение уступает место полнозвучным аккордам, напоминающим колокольный звон» [3, с. 37–38].

Фортепианная фактура музыкального текста Г. Анчикова сложна и насыщена, исполнение требует хорошей технической подготовки, виртуозности.

В числе интересовавшихся песней «Вёс, вёс, кук-кук» можно назвать таких композиторов, как В. Белый, М. Алексеев, А. Васильев. Известны переложения А. Городничего для вокально-инструментального ансамбля, Ю. Трепова для камерного оркестра, А. Потапова для духового оркестра. В. Кожемановой песни интерпретируется в этноджазовом плане, известна аранжировка Келта Риверы в традициях электронной музыки.

Выводы

Итак, песня «Вёс, вёс, кук-кук» является одной из самых значимых песен чувашского народа. Ценность ее в глубине и искренности, в эмоциях, которые обогащают и возвышают человека. Песня была любимой у космонавта А.Г. Николаева, академика Г.Н. Волкова. Песню также берут в репертуар музыканты инационального происхождения, например, известна интереснейшая версия ансамбля из Грузии «Bravo, Metehi». Несомненно, «Вёс, вёс, кук-кук» еще долго будет вдохновлять музыкантов на сочинение новых произведений.

Список литературы

1. Агакова А.Л. Народная песня «Лети, лети, кукушка» в творчестве чувашских композиторов / А.Л. Агакова // Культура и искусство как универсальный фактор духовно-нравственного совершенствования человека и общества. – Чебоксары, 2012. – С. 21–25.
2. Волков Г. Виçе юрă / Г. Волков // Тăван Атăл. – 2001. – №6. – С. 4–5.
3. Илюхин Ю.А. «Сердце щемит от одной мысли о Волге...» / Ю.А. Илюхин, М.Г. Кондратьев // Мастера музыкального искусства: очерки. Т. 7. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – С. 31–40.
4. Илюхин Ю.А. Чувашская народная музыка / Ю.А. Илюхин, Чуваш. респ. ин-т повышения квалификации работников нар. образования. – Чебоксары, 1992. – С. 3–22.
5. Кондратьев М.Г. «Вёс, вёс, кук-кук» / М.Г. Кондратьев // Чувашская энциклопедия. Т. 1. – Чебоксары, 2006. – С. 315–316.
6. Максимов С.М. Тури чăвашсен юрисем / С.М. Максимов. – Шупашкар, 1932. – 136 с.
7. Максимова Г. О пережитом / Г. Максимова // Лик Чувашии. – 1997. – №2. – С. 52–76.

References

1. Agakova A. L. Narodnaya pesnya «Leti, leti, kukushka» v tvorchestve chuvashskih kompozitorov // Kul'tura i iskusstvo kak universal'nyj faktor duhovno-nravstvennogo sovershenstvovaniya cheloveka i obshchestva. – Cheboksary, 2012. – S. 21–25.
2. Volkov G. Viçe jură // Tăvan Atăl. – 2001. – №6. – S. 4–5.
3. Ilyuhin Yu. A., Kondrat'ev M. G. «Serdcе shchemit ot odnoj mysli o Volge...» // Mastera muzykal'nogo iskusstva: ocherki. – Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 2009. – T. 7. – S. 31–40.

4. Pyuhin Yu. A. Chuvashskaya narodnaya muzyka / Chuvash. resp. in-t povysheniya kvalifikacii rabotnikov nar. obrazovaniya. – Cheboksary, 1992. – S. 3–22.
5. Kondrat'ev M. G. «Věç, věç, kukkuk» // Chuvashskaya enciklopediya. – Cheboksary, 2006. – Т. 1. – S. 315–316.
6. Maksimov S. M. Turi chāvashsen yurrisem. – Shupashkar, 1932. – 136 s.
7. Maksimova G. O perezhitom // Lik Chuvashii. – 1997. – №2. – S. 52–76.

Информация об авторе

Агакова Алиса Леонидовна – доцент кафедры теории, истории искусств, музыкального образования и исполнительства БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация.

Information about the author

Alisa L. Agakova – associate professor of the Departemnt of Theory of Arts, Music Education and Artistic Performance of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

Современный молдавский театр: возвращение к истокам

DOI 10.31483/r-96534

УДК 792

Катерева И.Е.

Академия музыки, театра и изобразительных искусств,
Кишинев, Молдова. <https://orcid.org/0000-0001-9734-4413>, e-mail: caterevi@mail.ru

Резюме: в статье рассматривается одна из тенденций развития современного молдавского театра. Как сложное и многогранное явление, он испытывает на себе влияние направления развития общества в целом. Его развитие на современном этапе обусловлено влиянием двух одновременно существующих и противоположно устремленных течений. Одно направлено вовне, расширяя спектр его контактов с театрами других стран и отражая принцип транскультурности. Начиная с 90-х годов прошлого столетия, искусство актеров в молдавском театре, специфика их выразительности апеллируют к опыту мирового театрального искусства во всей его целостности, где архаика и современность, Восток и Запад, дополняя друг друга, служат взаимному развитию.

Другой вектор развития, основополагающий, направлен вовнутрь. Он связан с глубинными процессами, затронувшими драматическое искусство Молдовы. Театр устремился к своей внутренней опоре, к истокам, из глубины которых произрастает национальная театральная традиция и где нераздельно властвуют миф, ритуал, архетип. На стыке архаики и современности театр ищет возможность раскрыть душевное пространство народа, мир родовых архетипов, аутентичное бессознательное. Посредством актерского искусства выразить непреходящие черты души, «этнический космос».

Методы исследования: теоретический анализ, обобщение научных изданий, материалов сети Internet, системный анализ театральной практики. Автор приходит к *выводу*, что современный молдавский театр развивается под влиянием двух взаимно обуславливающих векторов развития, существующих одновременно и направленных в противоположные стороны.

Ключевые слова: молдавский театр, миф, ритуал, архетип, ремифологизация, дионисийское начало.

Для цитирования: Катерева И.Е. Современный молдавский театр: возвращение к истокам // Этническая культура. – 2020. – № 4 (5). – С. 11-16. DOI:10.31483/r-96534.

Modern Moldovan Theatre: A Return to the Origins

Irina E. Katereva

Academy of Music, Theatre and Fine Arts,
Chişinău, Moldova. <https://orcid.org/0000-0001-9734-4413>, e-mail: caterevi@mail.ru

Abstract: the article examines one of the trends in the development of modern Moldavian theatre. Being complex and multifaceted phenomenon, it is generally influenced by the direction of society's development. At the present stage its development is based on the influence of two simultaneously existing and opposing directions. One is directed outwards, expanding the range of his contacts with theaters of other countries and reflecting the principle of transculturalism. Since the 90s of the previous century, the art of actors in the Moldovan theater, the specificity of their expressiveness appeals to the experience of world's theatrical art in all its integrity, where archaic and modernity, East and West, complementing each other, serve mutual development.

Another vector of development, fundamental, is directed inward. It is connected with the deep processes that affected the dramatic art of Moldova. The theatre rushed to its inner support, to the origins, from the depths of which the national theatrical tradition grows and where myth, ritual, archetype reign inseparably. At the junction of archaic and modernity, the theatre is looking for an opportunity to reveal the spiritual space of the people, the world of ancestral archetypes, the authentic unconscious. Through the art of acting to express the enduring features of the soul, the «ethnic cosmos».

Research methods: theoretical analysis, generalization of scientific researches, Internet materials, systematic analysis of theatrical practice. *Author concludes* that modern Moldovan theatre develops under the influence of two interrelated vectors of development, existing simultaneously and oppositely directed.

Keywords: moldovan theatre, myth, ritual, archetype, remithologization, Dionysian origin.

For citation: Katereva I.E. (2020). Modern Moldovan Theatre: A Return to the Origins. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(5), 11-16. (In Russ.) DOI:10.31483/r-96534.

Введение

Современный молдавский театр – сложное и многогранное явление. Последнее тридцатилетие, начиная с 90-х годов прошлого века, внесло свои коррективы в его репертуар, эстетику, сценическое существование актеров, их выразительность. Развитие театра на современном этапе обусловлено влиянием двух течений. С одной стороны – значительно расширился спектр его контактов с театрами других стран, поскольку географические границы театрального искусства перестали восприниматься изолированными друг от друга. На это повлиял уровень развития современного общества, революционный прорыв в области компьютерных технологий, интернета, средств связи и транспорта, свобо-

ды передвижений. С другой стороны – его устремленностью к своим метафизическим корням, к духовной сущности театрального искусства, где господствуют миф и ритуал. Это направление стало естественной альтернативой доминирующему рациональному восприятию мира, ведущему к утрате извечных понятий, затрагивающих сферу души, общечеловеческого.

В соответствии с этим современное актерское искусство Молдовы находится под влиянием двух одновременно существующих и противоположно направленных векторов развития. Первый – направленный вовне, знакомит с разными традициями актерских школ Востока и Запада, привнося их элементы в актерскую технику. Второй – направлен вовнутрь, к национальным корням

театрального искусства, зарождение которого тесно связано с народными представлениями, уходящими корнями в глубокую древность. Такими как «Маланка», «Парпурда», «Плугушор» и другие. Трансцендентальные по своей природе, базирующиеся на мифе и ритуале, они отражают этнокультурные откровения об Универсуме месте человека в нем, сохраняя в национальном подсознании пласты архаического мировосприятия. В этой связи особую актуальность обретает вопрос о возможности актера передать с помощью своего искусства уникальную ментальность и мифологическое мироощущение персонажей национальной драматургии.

Сложившееся противоречие, когда, с одной стороны, искусство актера вбирает в себя различные актерские техники мирового театра, а с другой стороны – стремится к своим национальным истокам, обусловило актуальность данного исследования.

Перед автором стояла цель – выявить направления развития молдавского театра, определяющие тенденции развития актерского искусства. Важно было понять, что вызвало их к жизни и какова их перспектива.

Безусловно, связь театрального искусства со своими духовными корнями в той или иной степени существовала и ранее. Еще в первой половине XX века творчество режиссера Виктора Герлака, стоящего у истоков молдавского театра, в значительной мере было обусловлено мифологическим восприятием мира. Актеры в его спектаклях, раскрывая образы народных персонажей, органично существовали в массовых сценах с этническими песнями и танцами [1, с. 254]. В 1937 году в спектакле «Гайдуки», поставленном на основе старинных легенд и преданий (режиссер И. Едельман, Молдавский драматический театр), искусство актеров было инспирировано ритуальностью народных песнопений и танцев. В начале второй половины прошлого столетия в спектакле «Сынзяна и Пепеля» (1956, режиссер В. Герлак), основанном на молдавском фольклоре, миф и ритуал проявились в символических сценах как «ген народной души». Гротесковость и символичность действий актеров определялись, с одной стороны, мифологизмом персонажей, таких как Сынзяна, Пепеля, Злой змей; с другой – ритуальностью сцен, как, например, танец феи и русалок в первом действии [2]. В начале 70-х годов игра актеров театра «Лучафэрул» соединила в себе эстетические принципы вахтанговской театральной школы со свойственным им южным темпераментом, лиричностью и мифологическим мироощущением [3, с. 54]. Несмотря на индивидуальность сценического языка ведущих молдавских режиссеров, дионисийство так или иначе окрашивало актерское искусство с 1930 года по 2010 год в спектаклях, раскрывающих духовность народа на основе национальной драматургии [6]. Научную новизну данной работы определяют современные тенденции развития актерского искусства, обусловленные его устремленностью к духовной сущности на стыке актерских техник Востока и Запада.

Материал и методы исследования

В основе исследования лежит междисциплинарный подход (театроведение, антропология, психология).

Автор использовал комплекс взаимодополняющих методов исследования: теоретический анализ и обобщение научных изданий, материалов сети Internet; системный анализ театральной практики.

Материалом исследования стала практика Национального театра имени «М. Эминеску», Национального Театра имени «Э. Ионеску», Национального Театра «Сатирикус» имени И.-Л. Караджали, Театра «Лучафэрул». Автор основывался на постановках спектаклей «Ревизор» (1997, режиссер П. Вуткарэу, Национальный Театр имени «Э. Ионеску»), «Гамлет» (1998, режиссер С. Василяки, Национальный Театр имени «М. Эминеску»), «Мастер и Маргарита» (2000, режиссер А. Греку, Национальный Театр «Сатирикус» имени И.-Л. Караджали) и других.

Результаты исследования и их обсуждение

Географическое пространство гастролей молдавского театра, начиная с 90-х годов прошлого века, распространилось от России, Беларуси, Украины, до Румынии, Болгарии, Италии, Греции, Испании, Польши, Германии, Венгрии, Франции, вплоть до Ирака, Японии, США. Кроме того, он стал активным участником многочисленных международных театральных фестивалей в различных странах, среди которых Авиньонский и Эдинбургский фестивали. Например, Национальный театр имени «М. Эминеску» участвовал в международных театральных фестивалях в Румынии (1993, 1994, 1995, 2000, 2004, 2005), России (1998), Словакии (1998), Украине (1998), Каире (1996, 2001, 2005). Национальный театр имени «Э. Ионеску» стал участником и многократным призером международных фестивалей в Румынии (1990), Египте (1992), Франции (1994, 2002), Испании (1996), Италии (1997), Венгрии (1999), Англии (2000), Польше (2002), Японии (2003), Турции (2006). Театр «Лучафэрул» неоднократно был отмечен наградами международных театральных фестивалей в Румынии, Беларуси (2002, 2003, 2005), Албании (2007). Национальный Театр «Сатирикус» имени И.-Л. Караджали принимал участие в международных театральных фестивалях в Румынии (1993, 1994, 1995, 1999, 2000, 2001), Швеции (1996), Франции (1996, 1997), Ираке (1998), Украине (2000), Болгарии (2000, 2001, 2002). Следует отметить, что он первый в Молдове осуществил гастроли в США (1995).

С 90-х годов в театрах Молдовы появилось немало спектаклей, поставленных режиссерами разных стран. Например, в Национальном Театре имени «М. Эминеску» были поставлены спектакли: «Школа жен» (Мольер) – российским режиссером А. Кирющенко; «Крестные» (М. Тремблей) и «Кому нужен театр?» (Т. Вертенбакер) – канадским режиссером П. Бокор; «Закат солнца» (Б. Делавранча) – румынским режиссером Н. Тойя; «Процесс» (по Ф. Кафка) и «Мастер и Маргарита» (по М. Булгакову) – итальянским режиссером А. Батистини. В Национальном Театре имени «Э. Ионеску» постановки спектаклей осуществлялись: российским режиссером В. Ваха – «Крик» (Т. Уильямс); грузинским режиссером Н. Лордкипанидзе – «Мизантроп» (Э. Лабиш); румынскими режиссерами

И. Сапдару – «Гамлет» (У. Шекспир) и А. Берчану – «Образ огня» (М. Майенбург); французским режиссером Ч. Ли – «История коммунизма, рассказанная душевнобольным» (М. Вишнек); американскими режиссерами К. Кембл – «Самое приятное после» (Д. Гуаре), «Шаль» (Д. Мамет) и М. Ясур – «Будущее в яйцах» (Э. Ионеско). В Национальном Театре «Сатирикус» имени И.-Л. Караджали спектакль «Люди и мыши» (Д. Стейнбек) поставил американский режиссер Н. Флэкман. Очевидно, такие тесные и расширяющиеся с каждым годом контакты современного молдавского театра, оказывают большое влияние на его развитие. Осознавая себя неотъемлемой частью мирового театрального искусства и вбирая его опыт, он ищет новые возможности актерского искусства быть понятным любому зрителю независимо от языковой, культурной или религиозной принадлежности.

Однако наиболее важным, по мнению автора, представляется второй вектор развития молдавского театра, направленный внутрь, к духовной сущности театрального искусства. Он связан с глубинными процессами, затронувшими драматическое искусство, поскольку особую силу обрел процесс его возвращения к национальным корням. Театр устремился к своей внутренней опоре, изначальным истокам, из глубины которых произрастает национальная театральная традиция, где нераздельно существуют миф и ритуал, способствуя самоидентификации. Раскрывая откровения о мироздании и, формируя картину мира людей – представления об Универсуме, его сущности, законах и месте человека в нем, – они поддерживают их связь с миром архетипов. В этом контексте актуальной представляется мысль театроведа А. Рошки, что театр, существуя в мифо-ритуальном пространстве, возвращает свой метафизический потенциал, прямую связь с миром и выходит на универсальный план, где не теряет своей самобытности и идентичности и где национальный элемент развивается больше [7].

Мифологическую картину мира с уникальным своеобразием универсальных образов коллективного бессознательного, создает каждая национальная культура. В этом смысле миф, легенда, сказка как, например, «Миорица», «Мастер Маноле», «Молодость без старости и жизнь без смерти», «Пэкалэ и Тындалэ» и так далее, раскрывают мир родовых архетипов. Ритуал, являясь изначальной основой всех архаических форм театра, воспроизводящей миф, стал неотъемлемой частью народных театральных представлений, таких как «Мэрцишор», «Маланка», «Колинде», «Свадьба» и других. Символическим языком действий, например: надевание масок козы, медведя, шествие с Маланкою, движение по кругу в танце или пение, он раскрывает сакральные моменты из жизни людей, характеризуя их мироощущение и миропонимание.

Миф и ритуал, заменивший со временем язык магии на художественный, раскрывают душевное пространство народа, аутентичное бессознательное. Философ и драматург Л. Блага назвал его пространством-матрицей, миоритическим пространством [5]. В соответствии с этим, персонажи-архетипы мифов, народных

театральных представлений, такие как Фэт Фрумос, Пэкалэ и Тындалэ, Змей, Коза, Медведь, Олень, Папаруда и другие, несущие информационное поле этого пространства, связывают невидимой нитью на уровне бессознательной души молдавских артистов и зрителей. Без этой связи с архетипическими персонажами современное драматическое искусство существовать не может. Таким образом, актеры, раскрывая персонажи-архетипы с помощью своего искусства, связывают их с духовным пространством зрителя, объединяя, тем самым, их на уровне души – тонкой энерго-информационной структуры.

Важно отметить, что актерское искусство в современном молдавском театре в той или иной степени неразрывно связано с дионисийством. Об этом свидетельствуют многочисленные театральные постановки, раскрывающие на основе национальной драматургии духовность народа. Например, в спектаклях Национального театра «Сатирикус» имени И.-Л. Караджали, искусство актеров, несущее дионисийское начало, как жизненный дух европейского театра, как особое душевное состояние, растворяло в родовом единстве их и зрителей. Так было в спектакле «Чуляндра» (1996, Л. Ребряну), где актеры, гармонично сочетая фантазмагорическую пантомиму в сценах сновидений и ритуальность народных танцев, материализовали невидимый микрокосмос этнической души; в спектаклях «Метаморфозы» (2000, Овидия) и «Карнавал» (2003, И.-Л. Караджали) – где они транслировали магическую энергию ритуальности национальной танцевальной пластики и ритма. Немного ранее, виртуозная пластическая выразительность П. Вуткарэу в роли Короля Беренжера I в спектакле «Король умирает» (1993, Э. Ионеско), поставленном им в соавторстве с М. Фусу, производила впечатление экстатического шаманского танца силы. Мощные выбросы дионисийской энергии переходили в полное расслабление в конце спектакля. И просветленный Король, обретя душевный покой, исчезал по чистому как снег пути в вечность.

Безусловно, насыщенность спектаклей ритуальными сценами требует иного качества актерского искусства. Например, в спектакле «Ревизор» (1997, режиссер П. Вуткарэу, Национальный Театр имени «Э. Ионеско»), в разгульной сцене в сауне, оно символически отразило «нравственные устои» и «мораль» 90-х годов. Движения, жесты и звуки актеров, лишённые натурализма и бытовых подробностей, раскрыли мир посетителей сауны, где царит пьяное буйство, цинизм, разврат и ненормативная лексика. Строгий ритуальный рисунок этой сцены, с постепенно закручивающимся ритмом и повторами, доводили собравшихся до полного безумия. Однако ритуал, как форма посвящения человека в более высокие степени осознания, здесь используется в другом значении. Это ритуал наоборот – акт, низвергающий в бездну. Подобно демоническим вакханалиям, его спираль опускается вниз. Словно ключ от дантовских кругов ада, он погружает персонажей в «преисподнюю». Ниспускаясь до уровня животных, толпа мужских и женских тел, словно вихрь, кружат вокруг Городничего. Это пик максимального накала,

острие спирали, момент, когда должно открыться «тайное знание», момент прозрения. И оно наступает – «К нам едет ревизор». Так с помощью ритуала через шок и потрясение, перед сидящими в зрительном зале открывается «тайна» низжайшей степени духовного падения, духовной деградации, духовной смерти. Зритель словно погружается в бездну, чтобы в конце спектакля открыть «дверь» навстречу.

В спектакле «Гамлет» (1998, режиссер С. Василяки, Национальный Театр имени «М. Эминеску»), искусство актеров, пронизанное духом метафизики, завораживало отточенностью движений и пластичностью. Находясь на грани медитации и осознанного сценического бытия, их действия порой напоминали шаманов. Так сцена, в которой приезжие актеры разыгрывают спектакль по просьбе Гамлета, ритуальна по своей природе. Актер в белой одежде, подобно адепту Мистерий, подходит к Гертруде. Точнейшим образом он воспроизводит жесты и движения старого короля. В момент его прикосновения к ней, происходит магическое таинство – он превращается в отца Гамлета. Трансформация, происходящая на глазах у всех присутствующих, леденит души: ведь тот, кто раскрывает тайну убийства, вернулся из мира Теней. Разыгрывая действие в точности похожее на убийство отца Гамлета, актеры словно совершают мистический акт, соединяя два мира – мир живых и мир Теней. Их действия лишены бытовизма и создают подобие магического танца. Так с помощью ритуала актеры посвящают зрителей в тайну смерти короля.

В спектакле «Мастер и Маргарита» (2000, режиссер А. Греку, Национальный театр «Сатирикус» имени И.-Л. Караджали), Воланд в исполнении актера В. Корнеску, не был мистическим персонажем, а наоборот, совершенно обычным человеком. Однако сквозь его телесную оболочку «просвечивалась» как на рентгеновском снимке, душа Дьявола. Движения, жесты, речь актера мистическим образом делали «видимой» эту внутреннюю сущность, ее силу и мощь. Воланд, разговаривая на разных языках, предстал как часть безграничной истинной Реальности, пронизывающей всю Вселенную, где Добро и Зло существуют неразлучно, как две стороны одной медали, как знак равновесия. В этом контексте автору представляется важным личное свидетельство актера С. Финити (Азазелло), что экстатическое сценическое существование, рождающее его хохот, слезы, танец, позволило ему открыть для себя Сатану и его мир [8, с. 96].

Таким образом, очевидно стремление молдавского театра к своим корням, духовным истокам, неразрывно связанным с мифологией, ритуалом, несущим в современное драматическое искусство национальное мироощущение. На стыке архаики и современности он ищет возможность посредством актерского искусства выразить непреходящие черты души, «этнический космос» и его знаковость. Ритуальный характер действий актера, символическим языком раскрывая истинную природу вещей, вызывает настоящее очищение, подобно аполлоническому катарсису. Опираясь на метафизику, составляющую суть мифа и ритуала, на дионисийский

дух актерского искусства, молдавский театр, не разделяя мир духовный и физический, стремится отразить подлинную Реальность, скрытую за повседневностью.

Вместе с тем, возвращаясь к своим национальным корням, он следует одному из главных принципов постмодернизма – транскulturности. Осознавая свое местоположение как мост между Востоком и Западом, между Западом и Византией, с одной стороны, и мирами славянским, восточным и средиземноморским – с другой, он обращается к опыту мирового театрального искусства, чтобы впитывая его архаические и внеевропейские формы, найти средства выразить собственное духовное наследие: франко-славяно-римское и одновременно протоисторическое и восточное [4].

Искусство актеров в молдавском театре, начиная с 90-х годов прошлого столетия апеллирует к опыту мирового театрального искусства во всей его целостности, где архаика и современность, Восток и Запад, дополняя друг друга, служат взаимному развитию. Наиболее ярким примером, на взгляд автора, представляется Национальный Театр имени «Э. Ионеску». Открытый передовым театральным веяниям, он жадно вбирает в себя опыт мировых театральных традиций прошлого и современности. Например, выразительность актеров в спектаклях «В ожидании Годо» (1991, С. Беккета), «Елизавета I» (2004, П. Фостера), «Урок» (2005, Э. Ионеску) органично соединяла условность восточного театра и гротеск Комедии дель'Арте; в спектакле «Лысая певичка» (1991, Э. Ионеску) – Комедию дель'Арте, крэгговский символизм, пластику национального танца и ритуальности; в спектакле «Король умирает» (1993, Э. Ионеску) – восточный театр, Комедию дель'Арте, национальную танцевальную пластику и ритуал; в спектаклях «Ревизор» (1997, Н. Гоголь), «Кирица в провинции» (2007, В. Александри) – основывалась на приемах Комедии дель'Арте, архаического ритуала, национальной танцевальной пластике и чувстве ритма; в спектакле «Машинерия Чехова» (2002, М. Вишнек) – архаического ритуала, метафизического театра, стилистики театра Е. Гротовского; в спектакле «Иоанна и огонь» (2009, М. Вишнека) – восточного театра, Комедии дель'Арте.

Национальный Театр имени «Э. Ионеску» первым в стране начал создавать спектакли в сотрудничестве с театрами других стран, объединяющие творческие усилия актеров разных театральных школ и эстетик. Наиболее интересным представляется его опыт работы с актерами из Японии. Так, например, молдавские артисты выступали с ними вместе во время проведения «Дней японской культуры в Молдове» (2013). В другом случае, в спектакле «Гамлет» (2004, У. Шекспир), поставленном режиссером Петру Вуткарэу в Токио, вместе с японскими артистами, играющими на своем языке, были задействованы актеры театра имени «Э. Ионеску» – А. Меньшикова (Гертруда) и А. Струнгару (Клавдий), говорящие на румынском языке. Другой совместный спектакль – «Человек, который умер на улице» (2007, Д. Фуджица) игрался японскими и молдавскими актерами соответственно на японском и румынском языках. Ритуальный символический ха-

ракет действий актеров, например, зажигание спичек в полной темноте в начале спектакля, или несколько разных ритуалов омоложения, как символ связи омоложения тела и очищения души, и «дождь» из льдинок, обрушившийся на людей с окаменевшими сердцами в конце спектакля – обнажал внекультурные и внеисторические общечеловеческие ценности, превращая их в понятный всем язык. И в то же время – действия, жесты, речевые интонации молдавских актеров несли национальную матрицу театрального искусства.

Неотъемлемым элементом театральной жизни Молдовы стал Международный театральный фестиваль – «Биеннале» театра «Э. Ионеско» (ВТЕИ), проводимый с 1994 года. Набираясь сил и развиваясь с каждым годом, он занял достойное место в рядах мирового фестивального движения. «Биеннале» знакомит с традициями и новаторскими тенденциями драматического искусства разных стран не только молдавских деятелей театра, но и широкую зрительскую аудиторию. Значительно расширился круг его участников. Например, в 1994 году его гостями были театры из Албании, Испании, Латвии, России, Румынии, Франции, Швеции; в 1999 году – из Италии, России, Румынии, Франции, Чехии, Японии; в 2001 году – из Англии, Беларуси, Испании, Румынии, Украины, Японии; в 2006 году – список гостей пополнили театры из Польши и Северной Кореи.

В рамках фестиваля не раз проводились семинары, круглые столы и конференции на темы: «Техника актера: национальный японский театр», «Комедия дель'Арте» (1997); «Традиционный японский театр» (1997); «Японское театральное искусство» (1999); «Путешествие в мир выразительности тела» (1999); «Японские театральные традиции в современном театре» (2001); «Между Востоком и Западом» (2006); «Испанский современный театр» (2006) и т. д.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, становится очевидным, что современный молдавский театр развивается под влиянием двух взаимно обуславливающих векторов развития, существующих одновременно и направленных в противоположные стороны. Один – вовне,

стирающий границы театрального искусства в пространстве, расширяющий его контакты с театрами других стран, привносящий универсальные составляющие разных актерских техник и школ. Второй – внутрь, к тому, что является общечеловеческой сутью театра – к его духовной сущности, способности выражать невидимый духовный мир человека, раскрывая подобие между ним (микрокосмос) и Вселенной (макрокосмос). Для этого вектора характерна ремифологизация театрального искусства, где миф, управляя коллективным поведением и реакциями людей, даже если человек этого не осознает, выступает как универсальная коллективная модель, схема, архетип, живущий в коллективной психике. Также это направление характеризуется ритуальной основой театрального действия, которая требует от актера поведенческого символизма, знаковости. Она позволила актеру существовать одновременно на двух уровнях – на уровне подсознания и сознания, тем самым стала для него способом ухода от привычного социально обусловленного поведения: способом открытия в человеке его истинной Реальности, скрытой за установленными социумом правилами.

В соответствии с этим актерское искусство характеризуется двумя одновременно существующими тенденциями: устремленностью к своим духовным истокам, неразрывно связанным с национальной мифологией, ритуалом, несущими национальное духовное пространство и стремлением органично соединить традиции актерского искусства Востока и Запада. Раскрывая персонаж-архетип, действия актера определяются обобщенным, символическим, знаковым характером, отсутствием какой-либо конкретики в ее бытовом понимании, поскольку архетип относится к тонкому миру, где существуют только абстрактные понятия и качества.

Все вышесказанное позволяет определить *практическую значимость* данной работы, материалы и выводы которой могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях по театроведению, истории и теории театра, применены в учебном процессе при составлении курсов лекций для будущих специалистов в области театрального искусства.

Список литературы

1. Королева Э. Театр и время / Э. Королева. – Кишинев: Инесса, 2006. – 272 с.
2. Прилепов Д. Молдавский театр. Очерк истории / Д. Прилепов. – М.: Искусство, 1967. – 156 с.
3. Чемортан Л. Становление молдавского советского театра: страницы истории / Л. Чемортан. – Кишинев: Штиинца, 1986. – 166 с.
4. Элиаде М. Испытание лабиринтом: беседы с Клодом-Анри Роке / М. Элиаде // Иностранная литература. – 1999. – №4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/read/eliade_mircha/ispitanie_labirintom_besedi_s_klodomanri_roke.html#0
5. Blaga L. Spațiul mioritic. – București: Humanitas, 1994. – 223 с.
6. Coroliov E. Regizor. Actor. Spectacol. – Chișinău: UNITEM, 2016. – 272 с.
7. Roșca A. Limba și identitatea în spațiul mitico-ritualic al teatrului // Francopolifonia: limbă și identitate. Colocviu Internațional. – Chișinău: ULIM, 2007. – С. 345–349.
8. Ungureanu L. A fi actor. – Chișinău: Bons Offices, 2012. – 150 с.

References

1. Koroleva E. (2006). Teatr i vremia., 272. Kishinev: Inessa.
2. Prilepov D. (1967). Moldavskii teatr. Ocherk istorii., 156. Moskva: Iskustvo.
3. Chemortan L. (1986). Stanovlenie moldavskogo sovetskogo teatra: stranitsi istorii., 166. Kishinev: Shtiintsu.

4. Eliade M. (1999). Ispitanie labirintom: besedi s Klodom-Anri Roke. Inostrannaia literatura, 4. URL: https://royallib.com/read/eliade_mircha/ispitanie_labirintom_besedi_s_klodomanri_roke.html#0
5. Blaga L. (1994). Spațiul mioritic, 223. București: Humanitas.
6. Coroliov E. (2016). Regizor. Actor. Spectacol. 272. Chișinău: UNITEM.
7. Roșca A. (2007). Limba și identitatea în spațiul mitico-ritualic al teatrului. Francopolifonia: limbă și identitate. Colocviu Internațional, 345–349. Chișinău: ULIM.
8. Ungureanu L. (2012). A fi actor. 150. Chișinău: Bons Offices.

Информация об авторе

Катерева Ирина Евгеньевна – доктор искусствоведения, преподаватель Академии музыки, театра и изобразительных искусств, Кишинев, Молдова.

Information about the author

Irina E. Katereva – doctor of art history, lecturer, Academy of Music, Theatre and Fine Arts, Chișinău, Moldova

Specifics of the Mosaic Reflection Method of Elements of Ethnic Culture

DOI 10.31483/r-74998

УДК 316.7

Yuri A. Kuzmin

FSBEI of HE "I.N. Ulianov Chuvash State University",
Cheboksary, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0003-4115-9811>, e-mail: kya70@mail.ru

Abstract: The article reveals the specifics of the methodology for studying ethnic elements of culture. The nomological paradigm of reflection of the socio-humanitarian sphere constituted the scientific status of ethno-cultural knowledge, at the same time leveling the subjective aspects, created a unification of forms and content, which inevitably led to a distortion of its actual parameters. As a tool for overcoming the imperfection of the classical principles of reflecting the phenomena of ethnic culture, they proposed a *method* of mosaic reconstruction that allows us to identify the relationship between elements of ethnic culture on the basis of common values. Mosaic reconstruction of ethnic culture reveals the logical relationship between its elements, forms of manifestation, and the totality of prerequisites and grounds. In a general sense, the method of mosaic reconstructions involves the following procedures, such as fixing specific ethnic elements of culture, creating a complex of links of ethnocultural integrity, determining the principles of interaction of system elements with the external and internal environment, applying the mechanism for restoring cultural integrity based on the principles of a cultural research program, visualizing a holistic image ethnic culture. The methodology of mosaic reconstruction is based on the fact that culture is the product of a social form of existence that expresses itself in the corresponding spheres of social activity, the restoration of which in its entirety is a necessary condition for creating an exhaustive image of culture. The author comes to the *conclusion* that mosaic reconstruction of ethnic culture reveals the logical relationship between its elements, forms of manifestation, and the totality of prerequisites and grounds.

Keywords: cognition, methodology, mosaic reconstruction method, ethnic culture, theory of cognition.

For citation: Kuzmin I.A. (2020). Specifics of the Mosaic Reflection Method of Elements of Ethnic Culture. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(5), 17-19. DOI:10.31483/r-74998.

Кузьмин Ю.А.

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»,
Чебоксары, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0003-4115-9811>, e-mail: kya70@mail.ru

Специфика мозаичного метода отражения элементов этнической культуры

Резюме: Статья раскрывает специфику методологии исследования этнических элементов культуры. Номологическая парадигма отражения социогуманитарной сферы конституировала научный статус этнокультурного знания, одновременно нивелируя субъективные аспекты, породила унификацию форм и содержания, что неизбежно привело к искажению ее действительных параметров. В качестве инструмента преодоления несовершенства классических принципов отражения феноменов этнической культуры нами предложен *метод* мозаичной реконструкции, позволяющий выявить зависимость между элементами этнической культуры на базе общих ценностей. Мозаичная реконструкция этнической культуры позволяет выявить логическую зависимость между ее элементами, формами проявления, совокупностью предпосылок и оснований. В общем смысле метод мозаичных реконструкций предполагает выполнение следующих процедур, как закрепление специфических этнических элементов культуры, создание комплекса звеньев этнокультурной целостности, определение принципов взаимодействия элементов системы с внешней и внутренней средой, применение механизма восстановления культурной целостности на основе принципов культурной исследовательской программы, визуализация целостного образа этнической культуры. Методология мозаичной реконструкции исходит из того факта, что культура является продуктом социальной формы существования, выражающей себя в соответствующих сферах общественной деятельности, восстановление которой в целостности является необходимым условием для создания исчерпывающего образа культуры. Автор приходит к *выводу*, что мозаичная реконструкция этнической культуры позволяет выявить логическую зависимость между ее элементами, формами проявления, совокупностью предпосылок и оснований.

Ключевые слова: познание, методология, метод мозаичной реконструкции, этническая культура, теория познания.

Для цитирования: Специфика мозаичного метода отражения элементов этнической культуры // Этническая культура. – 2020. – № 4 (5). – С. 17-19. DOI:10.31483/r-74998.

Introduction

The situation that developed at the turn of the XX–XIX centuries in Russian social science refuted simplified ideas about ethnic culture as a form of reflection of the values of relict social technologies, forced to revise the usual images of ethnicity and provided new opportunities for implementing methodological approaches to solving issues related to improving the theory and practice of studying ethnic elements of culture. Methodological reflection in the sphere of rational knowledge is due to the fact that «epistemological practice is initially formed on the basis of an established research tradition that has passed the appropriate verification and falsification tests» [7, p. 18].

The nomological paradigm of knowledge, seeking to give the socio-humanitarian sphere in General and ethnocultural knowledge in particular a strictly scientific status, initially focused on the ideals, norms and principles of natural science, defined as the universal basis of scientific reflection. The nomological concept of the development of ethno-cultural phenomena proceeds from the recognition of the objective nature of socio-cultural reflection, which is subject to the criteria and principles of scientific knowledge in General [3, p. 195]. The consequence of reflecting culture in institutions of the nomological approach is the leveling of its subjective aspects, the unification of forms and content, which inevitably leads to distortion of its actual parameters.

The conceptual program of the methodology of cognition of ethnic culture, defined as sociocentric, is characterized by a critical attitude to the transfer of the ideals of scientific natural science to the knowledge of culture and proceeds from the specifics of the methodological complex of social and humanitarian Sciences. The most important difference between the sociocentric methodology of reflecting ethnic culture is the recognition of the immanent inclusion of the system of social values in the potential resources of knowledge. French social psychologist, culturologist Abraham Mole, one of the first to use the term «mosaic culture», writes: «knowledge is made up of scattered scraps connected by simple, purely random relationships in the time of assimilation, in the consonance or association of ideas. These scraps do not form a structure, but they have a cohesive force that does not have old logical connections and gives the «knowledge screen» a certain density, compactness, no less than that of the «tissue-like» screen of humanitarian education» [4, p. 107]. It follows that the knowledge of culture is focused on the comprehension of axiological meanings, the development of which requires methodological techniques that are absent in the baggage of natural Sciences.

Discussion

The ethno-cultural sphere finds its expression in the content of that part of reality that does not exist «outside of human activity: it is produced and reproduced, one might even say constructed by human activity» [5, p. 585]. Culture appears as an institution that is immanently linked to any type of social activity, which is why it appears as an absolute form of expression of the content side of social technologies. In this sense, ethnic culture is the most profound and natural form of social existence [2, p. 58]. The specificity of cognition of the ethno-cultural sphere is the fact that its content is a segment of reality that is immanently realized through social existence, which, in turn, inevitably raises the problem of correlation of axiological priorities and, as a result, the conjugation of objective and subjective aspects of reflection. The objective component is based on the priorities of the biological properties of ethnicity – the recognition of this phenomenon as the original, objective quality. The subjective interpretation of ethnicity proceeds from the fact that the property in question can be consciously constructed within the framework of certain public interests. «The culture of society immanently includes value stereotypes that influence the mechanisms of resolving the epistemological situation, which together form the paradigm of knowledge» [1, p. 97].

At the same time, it is obvious that the stated approaches demonstrate the limited prospects for involving ethnic culture as an object of methodological reflection as an exhaustive whole. «The subject a priori deals only with a set of cultural phenomena that are associated with a set of issues that allow achieving concrete results» [6, p. 55]. Thus, the set of traditional methods of mastering ethnic culture in the paradigms of socio-humanitarian methodology as a self-sufficient epistemological subsystem does not demonstrate the necessary degree of effectiveness in achieving the goals of knowledge.

Result

The problem field of ethnic culture as an object of methodological reflection consists in a purposeful effort to reflect its content in its actual parameters, in all the richness and diversity of its causes, forms of datum, value relations and relationships. The complexity of solving these issues is due to the synthetic nature of ethnic culture, which is expressed in the inseparable unity of the phenomena of economic, political, social and spiritual spheres of public life. In this perspective, the philosophical level of ethno-cultural reflection becomes relevant, since the sphere of being of philosophy is directly related to the field of concepts, theoretical generalizations, principles, categories, images.

The essence of ethnic culture as a phenomenon, initially permeated with deep meanings of being, can be mastered in the context of its definition as a «semantic reality», which manifests itself through a system of cultural artifacts that realize their existence as material phenomena. Expressing its definiteness in the system of semantic reality, ethnic culture can be involved in the complex of cognitive reflection through the methodology of metaphysical perception and the potential for integral development of the object in all the richness of its connections and relationships. This circumstance implies the implementation of an approach that reflects the multi-aspect manifestations of ethnic culture while simultaneously demonstrating the unity of the axiological platform and the integrity of the properties of the phenomenon under consideration. As such a tool, it is interesting to include the mosaic reconstruction method in the research paradigm of ethnic culture analysis.

Conclusions

The mosaic method is a specific technology for creating an image by attaching a certain fragment to a common base that binds the structure, while each fragment is located in its own strictly defined place, ensuring the necessary integrity. Reconstruction is a prerequisite for epistemological reflection, since it allows us to restore the system of interaction of elements of ethnic culture and is implemented in the unity of forms of sensory and rational reflection with the dominant status of the latter. Rationality correlates the results obtained and, through establishing relationships between them, discovers new things. Reconstruction is based on the reproduction of forms, connections, relationships, stages of the emergence of cultural phenomena as systemic entities. In itself, the reconstruction of phenomena cannot be considered as an independent methodology of cognition, since the restoration system can include elements not only of ethnic culture, but also divisions of ethnic culture that are not included in the genotype of existential technologies of the social organism. The method of reconstruction allows us to restore images of culture in the context of axiological meanings of being an ethnic community.

The essence of the method of mosaic reconstructions is to fix the various forms of manifestation of cultural principles as ideal images and, linking them with each other, to construct a unified picture of the ethno-cultural space. Mosaic reconstruction of the properties of ethnic

culture ensures its existence as a transcendental one, which provides an opportunity for creative interpretation of its meanings, thereby helping to overcome the limitations of methodological resources of highly specialized disciplines. The method of mosaic reconstructions provides resources for determining the essential regularities of the organization of ethnic culture as a complex of interacting axiological priorities expressed in various spheres of life of the socio-cultural community. We assume the method of mosaic reconstruction as a complex synthesis of reflexive institutions that act as a tool for cognizing an object in the internal and external manifestations of its stages of formation and development.

In a very General sense the method of mosaic reconstructions involves the implementation of the following procedures:

- a) fixing the elements of culture that make up its ethnic specificity;
- b) establishing a complex of links of ethno-cultural integrity;
- c) defining the principles of interaction of system elements with external and internal environments;

d) application of the mechanism of restoration of cultural integrity based on the principles of the cultivated research program.

e) visualization of a complete image of ethnic culture.

The method of mosaic reconstruction can be implemented in the case when there are various forms of manifestation of a single basis; restoring the order of connections between cultural objects will allow determining the integrity of the cultural system in any complexity and quantitative multiplicity of phenomena that make up it. The implementation of the mosaic reconstruction method is associated not so much with the definition of cultural phenomena as with the establishment of their place and role in the existence and functioning of ethnic culture.

Thus, the methodology of mosaic reconstruction proceeds from the fact that culture is the product of a social form of existence that expresses itself in the corresponding spheres of social activity, the restoration of which in its entirety is a necessary condition for creating an exhaustive image of culture. Mosaic reconstruction of ethnic culture reveals the logical relationship between its elements, forms of manifestation, a set of prerequisites and bases.

References

1. Bakaeva Zh. Yu., Stepanov A. G., Matveeva O. L. Constants of utopian as the basis of the mythological picture of socio-historical reality // Manuscript. – 2019. – Vol. 12. – №6. – P. 95–98.
2. Zemlyanova L.M. Contemporary American Communication Studies: Theoretical Concepts, Problems, Forecasts. – M.: Moscow State University, 1995. – 271 p.
3. Kara-Murza S.G. Manipulation of consciousness. Century XXI. – M.: Algorithm, 2015. – 464 p.
4. Mole A. Sociodynamics of culture. – M.: Progress, 1973. – 406 p.
5. Mukin V. A., Sokolova L. Yu. Spiritual orientations of a person in the conditions of knowledge economy // Accounting, analysis and audit in the conditions of digital economy materials of the all-Russian scientific and practical conference. – 2018. – P. 580–587.
6. Stepanov A. G. Specificity of the rational-analytical level of formation of the picture of socio-historical reality // Bulletin of the Omsk state pedagogical University. Humanitarian research. – 2019. – №3 (24). – P. 53–56.
7. Stepanov A. G. The theory of reverse projection of Professor E. Z. Feizov in solving the problem of the main question of philosophy. Collection of scientific articles of the Department of philosophy, sociology and pedagogy. Executive editor I. E. Poverinov. – 2019. – P. 14–19.

Список литературы

1. Бакаева Ж.Ю. Константы утопического как основания мифологемы картины социально-исторической реальности / Ж.Ю. Бакаева, А.Г. Степанов, О.Л. Матвеева // Манускрипт. – 2019. – Т. 12, №6. – С. 95–98.
2. Землянова Л.М. Современная американская коммуникативистика: теоретические концепции, проблемы, прогнозы / Л.М. Землянова. – М.: МГУ, 1995. – 271 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Век XXI / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2015. – 464 с.
4. Моль А. Социодинамика культуры / А. Моль. – М.: Прогресс, 1973. – 406 с.
5. Мукин В.А. Духовные ориентиры человека в условиях экономики знаний / В.А. Мукин, Л.Ю. Соколова // Учет, анализ и аудит в условиях цифровой экономики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2018. – С. 580–587.
6. Степанов А.Г. Специфика рационально-аналитического уровня становления картины социально-исторической реальности / А.Г. Степанов // Вестник Омского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные исследования. – 2019. – №3 (24). – С. 53–56.
7. Степанов А.Г. Теория обратной проекции профессора Э.З. Феизова в решении проблемы основного вопроса философии / А.Г. Степанов // Феизовские чтения: сборник научных статей кафедры философии, социологии и педагогики / отв. ред. И.Е. Пове-ринов. – 2019. – С. 14–19.

Information about the author

Yuri A. Kuzmin – senior lecturer of the Department of Department of Criminal Sciences, FSBEI of HE “I.N. Ulianov Chuvash State University”, Cheboksary, Russian Federation.

Информация об авторе

Кузьмин Юрий Анатольевич – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация.

Some Facts of Main Ethnic Groups' Ceremonial-Game Traditions in Their Theatrical Aspect in the Chuvash Republic

DOI 10.31483/r-97429

УДК 37.035.6:371.383

Veronika Ju. Arestova

BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-4450-5505>, e-mail: arestova.veronika@gmail.com

Abstract: The article presents facts about ceremonial-game traditions of main ethnic groups living in Chuvash Republic, such as Chuvash, Russian, Tatar, and Mordovian. *The purpose of the research* was the survey of ceremonies, customs and celebrations which are kept in the present time in Chuvashia. The research was focused solely on theatrical aspect of rites or ceremonies where a person uses dressing up, masks, makeup, and acts for Mummers' plays. Furthermore, the research aimed to identify the mutual cultural influence of the above mentioned ethnic groups on each other. The field study was conducted using *the methods* of interviewing, observation with video and audio recording. The data were gathered from all of Chuvash Republic districts. *In conclusion*, it was established that mummering traditions are being revived in some rural areas of Chuvashia; traditions of mummering have not been changed since the second half of the XIX century, but people created new characters, especially in the second half of the XX century; the content of ceremonial-game traditions is fully demonstrates the worldview, mentality and value system of the main ethnic groups presented in Chuvashia.

Keywords: Mummers' plays, ceremonial-game traditions, Chuvash, Russian, Tatar, Mordovian.

For citation: Arestova V.Y. (2020). Some Facts of Main Ethnic Groups' Ceremonial-Game Traditions in Their Theatrical Aspect in the Chuvash Republic. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(5), 20-22. DOI:10.31483/r-97429.

Арестова В.Ю.

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-4450-5505>, e-mail: arestova.veronika@gmail.com

Некоторые факты об обрядово-игровых традициях в их театральном аспекте (на примере основных этнических групп Чувашской Республики)

Резюме: В статье представлены некоторые факты об обрядово-игровых традициях основных этнических групп, проживающих на территории Чувашской Республики, – чувашей, русских, татар, мордвы. *Цель исследования* – выявление фактов бытования обрядов в их театральном аспекте, где участник обряда или игры перевоплощается при помощи переодевания, ряжения, маски; выявление фактов взаимовлияния культур вышеуказанных этносов. *Методы исследования* – интервью и наблюдение с видео- и аудиозаписями ответов информаторов. Основные *выводы*, сделанные по результатам проведенного исследования: в настоящее время зафиксированы случаи возрождения традиций святочного ряжения в сельской местности Чувашии; традиции ряженья мало изменились со времен второй половины XIX века. Изменения в основном затронули типы – появились новые персонажи, особенно во второй половине XX века; содержание национальных традиций в полной мере отражает мировоззрение, менталитет и систему ценностей народа.

Ключевые слова: ряжение, обрядово-игровые традиции, чуваша, русские, татары, мордва.

Для цитирования: Арестова В.Ю. Некоторые факты об обрядово-игровых традициях в их театральном аспекте (на примере основных этнических групп Чувашской Республики) // Этническая культура. – 2020. – № 4 (5). – С. 20-22. DOI:10.31483/r-97429.

Introduction

The territory of the Chuvash Republic was historically formed as a multi-ethnic region. According to the 2010 Russian Population Census, the Chuvash are presented by the largest number of people in the Chuvash Republic, precisely 67.7% of the total population; Russians – 26.9%; Tatars – 2.8%; Mordovians – 1.1%.

It should be noted, that in the Chuvash Republic there live the Mishar Tatars, who are a subgroup of the Volga Tatars, and the Erzya, who are an ethnic group of the Mordovians.

Our research started in 2010. Thirty-one rural settlements were investigated, forty-five native inhabitants were interviewed. The oldest interviewee person was born in 1919.

Materials and Methods

Our research is concerned with the only one aspect of rite, which is theatrical aspect of rites or ceremonies

in which there is a person who uses dressing up, masks, makeup, and acts for Mummers' plays. We also studied costumes and folk houseware that were used in the Mummers' plays. The field study was conducted using the methods of interviewing, observation with video and audio recording. The data were gathered from all of Chuvash Republic districts.

Results and Discussion

The Chuvash rites and customs were described by many scientists, such as V.D. Dimitriev [1], V.P. Ivanov [2], R.R. Ishakov [3], V.G. Rodionov [4], A.K. Salmin [5; 6] and others. Speaking of ethnocultural influence of above mentioned ethnic groups, it is necessary to emphasize that today there are many noteworthy scientific works, such as «The History Of The Chuvash People In Ethnographic Facts» [5], «Transfer of the Chuvash to Tartars and Loss of Identity» [6], «Jetnokul'turnyj portret Chuvashskoj Respubliki» [2] and others.

Mummers traditionally appear at Christmas time. This time is called 'Surkhuri' in the Chuvash language. Mummers (in the Chuvash language it is 'svetke') change their look by means of dressing up, and behave limitless.

We have revealed some facts.

For example, the traditions of mummerring are still preserved in some settlements of Chuvashia, and they were almost everywhere until the middle of the twentieth century.

The following are details recorded during interviews with people living in Chuvash villages. Sazonova Nina Pavlovna, born in 1951 (Morgaushsky district, Chumankasy village) told us about Mummers' plays in which she took part when she was young. She and other young people went out of the houses in the evening. They were wearing fur coats which are turned inside out. Their faces were covered with gauze, and they had a whip with them. There were women and men, adults and young among them. They were attacked by local people for fun, for example, local people could push mummers in a snowdrift. Among others, the mummer's group included two people; one impersonating a guard and the other impersonating a Cossack to prevent them from identification.

Next interviewee is Ivanova Aleksandra Alekseevna, a native of the Tenevo village, Alikovsky district, born in 1930, mentioned the Cossacks too. She told us that the mummers covered their faces with shawls or put on self-made masks. She told us that the mummers were dressed up into animal characters such as a dog, a goat, and a bear. When the mummers entered the house, they didn't speak and didn't say a word to avoid recognition. According to her reminiscences, the mummers-men misbehaved, for example, sat on the girls' knees. Also, they could steal someone's washed and hung to dry clothes, dress it on and come to the clothes' owners in this look. Therefore, on the eve of this day people hid washed clothes in sheds. The mummers came into the houses without invitation, and they didn't come to lonely, boring old people, they came to sociable young girls.

Next interviewee Grigoryeva Raisa Viktorovna is a native of the Podlesnye Shigali village, Batyrevsky district, born in 1930, told us that the mummers used to wear their fur coats turned outside, and beards, which were sewn to hats. They held a hand roll in their teeth, scolded, and asked each person they met, what that person would wish them. She remembered that one day she and her friend had come into another house. Raisa Viktorovna was dressed as an old woman and her friend Mottya was dressed as an old man with a handmade hump. They danced and suddenly the homeowner picked up her friend and threw her over the fence but Raisa Viktorovna managed to escape. After that they danced in another house and when they were leaving that house the homeowner hit on the hump and pushed them out of the house. In the other house the girls danced with the sheep that came into the house with them from the yard.

The next interviewee Kozlov Alexander Vasilievich is a native from Molgachkino village, Shumerlinsky

district, born in 1952. He and his wife Kozlova Lyudmila Alexandrovna, born in 1955 told us that at Surkhuri time yang boys were dressed up into girls' clothes and girls were dressed up into boys' clothes, furthermore, they could dress up old folk dresses. The native speakers mentioned masks, gauze, and the turned inside out fur coats too. They added that the mummers drew eyes and mouths on gauze with coal. The mummers came into houses, sang, danced, scattered peas on the floor. If they met people in the street, they scared the people, wallowed them in the snow, and didn't hurt them, but simply had fun.

Some native speakers remarked that at Christmas time there were only men who took part in mummerring, and, what is more, children were forbidden to dress up as mummers. The men-mammers masqueraded as girls; for this they made up plaits from spikes. Not many people wanted to let mummers into their house but the mummers came into the house anyway. According to the most informants, mummers' faces were covered with gauze on which eyes and mouths were painted, sometimes mummers' faces were smeared with soot.

This part of article describes facts recorded in the Russian villages of Chuvashia. So, the Russians told us about different characters, such as a soldier, a gypsy, a doctor, and a cock. In addition to these characters there were used other characters from popular comedy movies. For example, Krasnenkova Ekaterina Nikolaevna, a native of the Ichiksy village, Alatyr district, born in 1941 had dressed up as a comic character Popandopulo of the Soviet musical comedy 'Wedding in Malinovka'. She dressed in a sailor's striped vest, made teeth from potato, hung a big purse around her neck and was walked and said: 'Why am I in love with you?' Other native of the Ichiksy village, Sazonkina Antonina Fedorovna, born in 1938, told us about dressing up as a soldier. In order to look like a soldier, they put on a kaftan to which a shoulder-strap made from the sole of the boot was sewn; they put on many skirts to look like a gypsy; and they glued feathers on clothes to look like a cock. The native speakers told us that they expected mummers to come. Hosts met them with joy; provided them with cakes, sweets and even moonshine. At such time potential brides and grooms were paid special attention to offering a better treat. After visiting all the houses, the mummers got together in someone's 'kelya'. The word 'kelya' means a house of single or widowed women, most often the poor ones. In English it sounds like 'cell'. In 'kelya' they ate, sang, and danced.

The natives of the Russian villages told us that sometimes there were mummers at the wedding. We have a photo made in 1958, which shows the mummers at a Russian wedding in Alatyr district: one of them is wearing a turned inside out fur coat; the others are wearing a soldier's (with an accordion) and a doctor costumes, and the other man wearing a hat and riding-breeches.

According to a native of the Mordovian village of Altyshevo, Alatyr district, Galkina Alexandra Fedorovna, born in 1947, the characters of the mummers

at Christmas time were a gypsy, a devil, a Baba-Yaga (a witch in Russian tales), a clown. She remembered that men always dressed as women. According to her story, the hallmark of the Mordovian wedding in this village was the mummery. They dressed up to look for a 'jarka'. In the Russian language 'jarka' means a newly-married wife.

We have revealed that in the Tatars traditions there are no mummies.

We have identified the mutual influence of the main ethnic groups cultures on each other. For example, the natives of the Tatar villages of Chuvashia had told us that about 5–6 years ago young people began to celebrate Maslenitsa which is a Russian holiday. This holiday had been not celebrated before. We learned about a case of burning a scarecrow at the Nowruz which is a holiday that marks the beginning of spring or of the New Year. This fact is absolute novelty for Tatars observing folk traditions, because the burning a scarecrow is a typical rite for Russians. Currently, the Chuvash and Tatars of the Komsomolsky and

Batyrevsky districts of Chuvashia have begun to celebrate two similar holidays – the Chuvash Akatuy and the Tatar Sabantuy – in conjunction.

As a conclusion we should mention the following:

– The traditions of mummery are still preserved in some settlements of Chuvashia, and they were almost everywhere until the middle of the twentieth century;

– Traditions of mummery have not been changed since the second half of the XIX century, but people created new characters, especially in the second half of the XX century, such as heroes of films and cartoons);

– New methods of transformation the face appeared due to new material used for making the masks; along with this, people started using ready-made masks;

Currently, mummery traditions are reviving in the rural areas of Chuvashia. The ways of makeover, such as a turned inside out fur coat, gauze for hiding a face, dressing up men in women and vice versa are kept till now, and their content fully demonstrates the worldview, mentality and value system of the main ethnic groups presented in Chuvashia.

References

1. Dimitriev, V. D., & Ul'ianova, I. N. (2004). Voprosy etnogeneza, etnografii i istorii kul'tury chuvashskogo naroda., , 311. Dimitriev;; Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta.
2. Ivanov, V. P., & Matveev, G. B. (2015). Etnokul'turnyi portret Chuvashskoi Respubliki: istoriko-etnograficheskie ocherki., 196. Cheboksary: Chuvashskoe kn. izd-vo.
3. Nikolaev, G. L., & Iskhakov, R. R. (2013). Paralleli v religiozno-mifologicheskikh kartinakh mira i obriadovosti tatar i chuvashei: opyt istoriko-etnograficheskoi rekonstruktsii., 60. Iskhakov;; Cheboksary.
4. Rodionov, V. G. (2017). Chuvashskii etnos: issledovaniia po etnologii i mifopoetike., 324. Cheboksary: ChGIGN.
5. Anton, K. (2020). Salmin The History Of The Chuvash People In Ethnographic Facts. Revista Turismo Estudos & Praticas, No S2, 12.
6. Anton, K. (2020). Salmin Transfer Of The Chuvash To Tartars And Loss Of Identity. Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal, No 56 (2), 387.

Список литературы

1. Димитриев В.Д. Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. ст. / В.Д. Димитриев; Мин-во образования и науки Рос. Федерации, Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – 311 с.
2. Иванов В.П. Этнокультурный портрет Чувашской Республики: историко-этнографические очерки / В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2015. – 196 с.
3. Исхаков Р.Р. Параллели в религиозно-мифологических картинах мира и обрядовости татар и чувашей: опыт историко-этнографической реконструкции / Р.Р. Исхаков; науч. ред. Г.Л. Николаев. – Чебоксары, 2013. – 60 с.
4. Родионов В.Г. Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике / В.Г. Родионов. – Чебоксары: ЧГИПН, 2017. – 324 с.
5. Salmin Anton K. The History Of The Chuvash People In Ethnographic Facts // Revista Turismo Estudos & Práticas. – 2020. – No S2. – 12–14 pp.
6. Salmin Anton K. Transfer Of The Chuvash To Tartars And Loss Of Identity // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2020. – No 56 (2). – 387–397 pp.

Information about the author

Veronika Ju. Arestova – candidate of pedagogic sciences, associate professor, leading research fellow of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

Информация об авторе

Арестова Вероника Юрьевна – канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация.

Сакральный ландшафт северных селькупов: святилище Лозыль-лакка на озере Лозыль-то

DOI 10.31483/r-96616

УДК 39

Степанова О.Б.

Музей антропологии и этнографии РАН,
Санкт-Петербург, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0002-2130-2695>, e-mail: stepanova67@mail.ru

Резюме: Статья посвящена самому известному старинному святилищу северных селькупов – Шаман-горе Лозыль-лакка на озере Лозыль-то. *Цель исследования* – объединить сведения, имеющиеся о нем в научной литературе и в полевом архиве автора, и выяснить, что представляет собой этот объект сакрального ландшафта. *Методами исследования* были описание, семантический анализ и полевая работа. *Результатом исследования* стал вывод о том, что Лозыль-лакка является родовым святилищем, где приносились жертвы духам – хозяевам родовых промысловых угодий, от которых «зависела» удача членов рода в промысле. Память о святилище сохранилась до наших дней благодаря его расположению в примечательном в природном плане месте. Было также установлено, что священная гора служит индикатором состояния современного этнического самосознания селькупов. Оно характеризуется сохранением веры в духов и строгим соблюдением ряда традиций, которые диктует эта вера, поэтому идущий сегодня у северных народов процесс трансформации традиционной культуры в новые современные формы у селькупов тормозится живучестью некоторых элементов этой самой традиционной культуры. Отдельное всестороннее изучение святилища Лозыль-лакка, в том числе с позиций отношения к нему современных селькупов, составляет научную новизну исследования. Публикация суммарных данных о святилище сохраняет его в качестве части культурного наследия для будущих поколений селькупов и пополняет банк данных сибиреведения и этнографической науки в целом.

Ключевые слова: северные селькупы, этнография, традиционная культура, святилища, этническое самосознание.

Для цитирования: Степанова О.Б. Сакральный ландшафт северных селькупов: святилище Лозыль-лакка на озере Лозыль-то // Этническая культура. – 2020. – № 4 (5). – С. 23-27. DOI:10.31483/r-96616.

The Sacred Landscape of the Northern Selkups: The Losyl-Lakka Sanctuary on Lozyl-to Lake

Olga B. Stepanova

Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0002-2130-2695>, e-mail: stepanova67@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the most famous ancient sanctuary of the northern Selkups – Shaman Mountain Lozyl-lakka on Lozyl-to Lake. *The purpose of the study* is to combine the information available about it in the scientific literature and in the author's field archive and to find out what this object of the sacred landscape is. *The research methods* were description, semantic analysis and fieldwork. *The result of the study* was the conclusion that Lozyl-lakka is a family sanctuary, where sacrifices were made to the spirits-masters of the ancestral fishing grounds, on which the success of members of the clan in the trade "depended". The memory of the sanctuary has survived to this day due to its location in a remarkable natural place. It was also found that the sacred mountain serves as an indicator of the state of the modern ethnic identity of the Selkups. It is characterized by the preservation of faith in spirits and strict adherence to a number of traditions that this belief dictates, therefore, the process of transformation of traditional culture into new modern forms among the Selkups, which is ongoing among the northern peoples today, is hampered by the vitality of some elements of this very traditional culture. A separate comprehensive study of the Lozyl-Lakka sanctuary, including the standpoint of the attitude of modern Selkups, constitutes the scientific novelty of the study. The publication of summary data on the sanctuary preserves it as part of the cultural heritage for future generations of Selkups and replenishes the data bank of ethnographic science.

Keywords: Northern Selkups, ethnography, traditional culture, sanctuaries, ethnic identity.

For citation: Stepanova O.B. (2020). The Sacred Landscape of the Northern Selkups: The Losyl-Lakka Sanctuary on Lozyl-to Lake. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(5), 23-27. (In Russ.) DOI:10.31483/r-96616.

Введение

Актуальность изучения объектов сакрального ландшафта северных селькупов определяется сегодня происходящим возрождением национальных культур коренных народов Севера. В рамках этой темы в исследовании будет изложена вся имеющаяся у автора информация о самом известном среди тазовских селькупов священном объекте – Шаман-горе Лозыль-лакка на озере Лозыль-то. В фокусе изучения окажутся также все грани отношения современных селькупов к этому объекту и состояние селькупского этнического самосознания, которое они отражают. Самостоятельного исследования святилища Лозыль-лакка до сих пор не имело и тем более никогда не рассматривалось с ракурса отношения к нему современных селькупов. Отдельное всестороннее изучение святилища Лозыль-лакка, вклю-

чая обозначенный ракурс, составляет научную новизну исследования. Ожидаемым результатом исследования станет введение в научный оборот новых сведений о культуре селькупов и народов Сибири в целом.

Материалы и методы

В изучении главного священного объекта северных селькупов автор опиралась на данные научной литературы, почерпнутые из работ Е.Д. Прокофьевой [8], Иг.В. и Ир.В. Беличей [6], А.В. Головнева [7], В.Н. Адаева [1; 2; 3; 4; 5], Р.Х. Рахимова [9], и на собственные полевые материалы, собранные во время экспедиций к северным селькупам, часть из которых вошла в ряд ее публикаций по теме традиционной и современной культуры северных селькупов [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19].

В качестве основного метода исследования был выбран метод описания – упорядоченного изложения собранного по данной теме нарратива. Для выполнения задач исследования применялся анализ, метод полевой работы, сравнительный и типологический методы, системный комплексный подход, метод семантического анализа и т. д.

Результаты исследования

Шаман-гора Лозыль-лакка (досл. перевод «Духов сопка») представляет собой высокий, более 20 м, конической формы мыс, выступающий в озеро Лозыль-то (Чертово озеро/ «Озеро Духов») системы Чертовых озер в Красноселькупском районе ЯНАО. Весной в половодье он омывается со всех сторон водой и выглядит как остров. Лозыль-то – небольшое правильной округлой формы озеро системы сообщающихся Чертовых озер, оно соединяется протокой с р. Толькой в среднем ее течении. Лозыль-то и Лозыль-лакка образуют единое сакральное пространство и почитаются как селькупам, так ненцам и хантам.

По материалам А.В. Головнева [7, с. 498–500] и Иг.В. и Ир.В. Беличей [6, с. 106], селькупам представляется, что в озере живет гигантское, размером с лодку, двуххвостое крылатое насекомое (черная двуххвостая крылатая змея) – комылко/комышко – хозяйка озера, она сопровождает человека, плывущего по озеру, под дном его лодки. В озере водится рыба, которая, когда ее вытаскиваешь из воды, превращается в голого младенца, когда снова опускаешь в воду – опять становится рыбой. По другим поверьям, в озере обитает мамонт. Лозыль-то нельзя обходить кругом, нельзя черпать из него воду рукой или ведром, для этого надо сделать ковшик из бересты, рыболовную сеть на озере разрешается проверять только тому, кто ее ставил, женщины здесь запрещено купаться и т. д.

Селькупы верят, что внутри горы Лозыль-лакка живут лозы (духи). По ночам, якобы, слышны их голоса, плач детей, звуки охоты, доносится звук бубна, видны отблески костров в их чумах. Главные из духов – Тэтты Лоз и Тэтты Имиля («Дух Земли» и «Старуха Земли»). Они представляются Хозяевами Земли и могут являться как в человеческом виде, так и в образе медведя, птицы. С восточной стороны сопки есть потайная дверь в их жилище. Тэтты Имиля одета во все черное. Она ведает жизнью селькупов, благополучием и здоровьем всех селькупских семей, дает разрешение на охоту в этих местах. Покровительство, которое Тэтты Имиля оказывает охоте, позволяет связывать святилище Лозыль-лакка с охотничьими обрядами и промысловым культом.

В другом варианте священное место Лозыль-лакка (его появление) связывается с мифологическим селькупским героем Коркы Пачкы Ийя (Медведя и Пачкы Сын) и его женой. После совершения своих многочисленных подвигов герой постарел. Почувствовав, что силы покидают его, он предложил жене поставить посередине чума пустой котел и ходить вокруг него посолью. Ходя по кругу, пара вместе со своим чумом стала погружаться в землю, успев сказать напоследок: «Мы

уходим вниз. Пусть когда-нибудь наш чум станет Лозыль Лакка (Горой Духов), и пусть все, кто рождается, помнят о нас и приносят нам подарки» [7, с. 497–498].

В двух метрах выше подножия горы находится небольшая (100 x 70 м) площадка, поросшая редким низкорослым сосняком, лиственницей и кедром, а также березками. Во время посещения святилища мужчинам обязательно сделать в этом месте остановку, мысленно подготовиться к предстоящему общению с духами, «очиститься». Женщины остаются совершать жертвоприношение на этой площадке, им дальнейший подъем строго запрещен. Мужчины приносят жертвы на вершине сопки: кладут на землю куски пищи, льют водку, вешают на деревья приклады, а также одежду больных людей: считается, что, если повесить на священной Лозыль-лакка одежду больного человека, он выздоровеет. От площадки на сопку по восточному склону ведет тропа, около которой где-то на полпути к вершине есть небольшое воронкообразное озерцо. «В него дробь и железо бросать надо». Считается, что озерцо это – окно, в которое духи видят всю землю, у него нет дна, однажды в него провалилась упряжка оленей и исчезла.

Прежде на вершине сопки стояла старая береза с многочисленными прикладами и большой деревянный идол – порге. В 1970-е годы на вершине сопки была поставлена геодезическая вышка (тригипункт) и вырублены старые березы (по мнению селькупов, те, кто это сделал, впоследствии были сурово наказаны духами). Деревянный идол упал сам еще раньше, сваленный ветром [7, с. 498–500; 6, с. 106–108].

Информант Е.Д. Прокофьевой П. Айвасада, бывавшая на Лозыль-лакка в юности (в конце 1950-х – начале 1960-х), видела там развешанные на шестах шкуры оленей, снятые целиком с головой и копытами, в кучах было много железных цепочек, денег и «всякой всячины» [8, с. 68]. Когда-то раз в 7 лет здесь устраивались коллективные жертвоприношения. Посещение этого святилища хотя бы раз в жизни для всех селькупов считалось обязательным.

Считается, что при подъеме на вершину Лозыль-лакка нельзя останавливаться, спотыкаться, дыхание должно оставаться ровным, и тогда человек получит от Хозяйки Земли еще 7 лет жизни, в противном случае 7 лет не проживет – умрет. А.В. Головнев называет это испытанием «силы души» [7, с. 500].

С вершины Лозыль-лакка видны еще две сопки: одна расположена у южного озера Вэркы-то (Большого озера), другая – в глубине тундры. По легенде, эти горы также были «чумовыми местами» духа, но ему будто бы не понравились, и он, поочередно сменяя, оставил их, окончательно переселившись на нынешнее место.

Пожалуй, из всех объектов сакрального ландшафта о Лозыль-лакка и Лозыль-то, расположенных в системе Чертовых озер, этнографами было собрано больше всего сведений. Материал, собранный автором, лишь в деталях отличается и дополняет данные Е.Д. Прокофьевой, Иг.В. и Ир.В. Беличей. Чтобы сохранить точность и «мелодику» слога информантов, автор решила не пересказывать тексты интервью и привести нужные выдержки из них целиком.

1. В Лозыль-то, что на Чертовых озерах тоже маленькое озерцо есть, это тоже священное место. Сейчас там Паршаков, Бельцев, Пушкин (местные крупные чиновники – О.С.) дачи понастроили. Лучшие рыбугодья, там рыба зимует, живое озеро (Информант К.В.Ю., 1958 г.р., с. Толька Красноселькупская, запись 2012 г.).

2. На Шаман-гору поставили тригипункт, потом был пожар, и он упал прямо на горе. Наверное, кто-то сигарету бросил. Бабушка рассказывала, через Шаман-гору семья ненцев каслала, там они провалились всей семьей. После этого и пошло. Шаман там есть, так шел: с Красноярска, Туруханска, до Ратты, с Ратты до того места, где Ромка живет, от Ромки до Пуровской Тольки, от Пуровской Тольки до Лозыль-то, там остановился. Говорят, в Туруханском районе до сих пор шаман есть, найти не могут. У него, говорят, внук есть, но просто так не найдешь. В горе Хозяйка Земли живет, в черном одета, лапы и лицо, как у медведя. Я ее во сне видел, когда на озере был. Дед, Никита Палыч, умер в Красноселькупе, был там раньше, охотился. Он копалуху убил, Хозяйка ее забрала. Прямо перед глазами. Когда проезжаешь озеро, монету кинуть надо. Раньше только на ветках можно было до Шаман-горы доехать, по суше не дойти. Под озером, говорят, пещера есть. Было поверье, раньше старики говорили, там полузмея-полурыба есть. Какой-то дед плыл – видел. Она мимо проплыла, плавником задела. Там воду нельзя ведром черпать, только ковшиком. На Лозыль-то сейчас начальство коттеджи построило. Много начальства. Вертолетами садятся. У них баня сгорела. А как она сгорела, так и не поняли. Когда на другом берегу сидишь и смотришь на Шаман-гору, видишь: олени ходят, чума стоят, костры горят, дети бегают, играют. С оленями один год туда перекаслали, целый год там сидели. Зимой оленей потеряли. Они позади Шаман-горы стояли, в 500 м от нее, – рядом, а найти не могли (Информант К.А.П., 1979 г.р., Белый Яр, запись 2015 г.).

3. На Лозыль-то, в системе Чертовых озер, экспедиция на том берегу, что против Шаман-горы, стояла. Приехали они к Шаман-горе глину брать. Только стали брать, та-а-а-кой шум поднялся, звон, грохот. Испугались, ушли. Не дала Бабушка глины. Дед мой здесь раз охотился, глухаря подстрелил. Только хотел поднять, а нет его, одни перья остались. Это она забрала. Бабушка эта вся в черное одета, высокая очень. Больше не охотятся тут (Информант Г.С.Ч., 54 года, Белый Яр, запись 2015 г.).

4. На Шаман-горе творится что-то, пещера там есть, живет там кто-то, вечерами слышны звуки поселка. Могила шамана там есть позади, я ему (приезжему ученому – О.С.) не показал. С одним когда-то поднимался на Лозыль-лакка, но тот слабым оказался, только до середины дошел, а обратно его на руках уже несли, и вскоре умер он (информант Е.С.Ч., с. Толька Красноселькупская, запись 2019 г.).

Таким образом, рассказы информантов автора дают еще одну версию появления святилища – якобы место это было выбрано шаманом, пришедшим издалека, и шаман этот, а также его потомки невидимы. К новым

сведениям относится информация об имеющейся под сопкой пещере, заполненной водой, в которой живет полузмея-полурыба. По-видимому, эта полузмея-полурыба – еще одна ипостась Хозяйки земли, Духа, живущего в Сопке, а вода в пещере имеет связь с водой священного озера Лозыль-то. Несколько характеристик было добавлено к портрету Хозяйки земли: оказывается, это очень высокая, одетая во все черное бабушка, лапы и лицо у нее, как у медведя. Также информанты подтвердили промысловое значение святилища и выявили его славу как места, где происходят необъяснимые вещи, связанные с тем, что в сопке обитают духи.

Когда-то таких мест, как Лозыль-лакка было в ландшафте Таза и Турухана много. Е.Д. Прокофьева пишет, что прежде у селькупов существовали места для родовых приношений, называемые кассыль тэтты – ‘жертвенная земля’. «В Тазовской тундре подобным местом и было, вероятно, святилище на Лозыль то» [8, с. 68]. Информанты Иг.В. и Ир.В. Беличей подтверждают, что «общего для всех селькупов святого места не было, у каждого населения, кто жил в тех или других местах, по обычаю, были свои почитаемые места» [6, с. 102]. Т.е. жертвенные святилища имели привязку к родовым угодиям, еще точнее – к родовым промысловым угодиям, поскольку от тэтты лозов – духов земли, которые на этих святилищах почитались, зависела охотничья удача. Следовательно, сколько было у селькупов родов и родовых угодий, столько было и святилищ. Общим признаком для всех мест родовых жертвоприношений было их обязательное расположение на возвышенностях, поросших лесом: сопки, холмы и горы служили тэтты лозам домом.

Обсуждение и заключение

Суммируя приведенные сведения, можно сказать, что сакральный объект на Лозыль-то в прошлом являлся селькупским святилищем, посвященным Хозяину и Хозяйке Земли – сильным духам, от которых зависела жизнь селькупов. Несомненно также, что святилище Лозыль-лакка следует связывать с промысловым культом, в первую очередь охотничьим. Объект известен информантам всего района, но чем дальше от него проживают информанты, тем меньше они о нем знают. Несмотря на свою известность, сегодня Лозыль-лакка – почти заброшенный сакральный объект, таковым он стал в силу своей удаленности от селькупских поселков, труднодоступности и постепенного забвения селькупской культуры, происходящего в течение последнего столетия. Информанты рассказывали автору, что озеро Лозыль-то – «живой» незаморный водоем, и зимой на выходные, в хорошую погоду, сюда из Тольки Красноселькупской на снегоходах приезжает много рыбаков, селькупов и не селькупов – посидеть с удочкой над ледяной лункой, выпить водки и пообщаться. О том, что рядом находится старинное селькупское святилище, никто из них даже не вспоминает. По-видимому, селькупские святилища имеют только летнее расписание работы.

Из рассказов информантов также следует, что селькупы соблюдают запрет показывать чужим сакральные

объекты своей культуры и что информанты верят в правдивость и реалистичность своих же рассказов. Такой позиции по отношению ко всем сакральным объектам своей культуры придерживается сегодня большинство селькупов.

Сегодняшние селькупы – вполне современные люди, большинство из них имеют дома в поселках, пользуются всеми благами цивилизации – телевизорами, телефонами, компьютерами, моторами, снегоходами, ездят на машинах и летают на вертолетах. Селькупские представления об устройстве мира в общих чертах такие же, «как у всех». Традиционная культура селькупов стремительными темпами отмирает, уходит в прошлое, множество традиций забыто навсегда. Традиционное мировоззрение как система давно не суще-

ствует, от него остались лишь фрагменты. И один из таких «живых» фрагментов – это вера в духов, населяющих отдельные объекты географического ландшафта. Она связана с представлениями об опасности, исходящей от духов, и предписывает, в частности, прятать эти объекты от посторонних глаз и не рассказывать о них чужим. Вера эта и страх, в котором она часто выражается, пока «живее всех живых» – они сильны, современны и имеют широкий круг приверженцев. То есть подавляющая часть современных селькупов, следуя традиции, скрывают и прячут ее от внешнего мира.

Таким образом, результатом исследования стал вклад в решение сразу двух проблем этнографии селькупов – вопроса сакрального ландшафта и проблемы особенностей современного этнического самосознания.

Список литературы

1. Адаев В.Н. Варианты захоронений и типы надгробных конструкций у верхнетазовских селькупов (по материалам этнографических исследований 2013 г.) / В.Н. Адаев // *Ab origine: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета*. Вып. 6. – Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2014. – С. 104–122.
2. Адаев В.Н. О роли традиционного мировоззрения народов Севера в качестве регулятора режима природопользования / В.Н. Адаев // *Этнос и среда обитания: сборник статей по этнической экологии*. Вып. 5: Исследования систем жизнеобеспечения. – М.: Старый сад, 2017. – С. 137–148.
3. Адаев В.Н. Селькупы Верхнего Таза: межкультурные связи и пути сообщения с населением соседних речных бассейнов в XVIII–XX вв. / В.Н. Адаев // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. – 2014. – №1. – С. 124–132.
4. Адаев В.Н. Погребальная и поминальная пища в североселькупском захоронении XIX в.: опыт этноархеологического анализа / В.Н. Адаев, О.Е. Пошехонова // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. – 2016. – №3. – С. 127–136.
5. Адаев В.Н. К вопросу об археологической реконструкции пищевых традиций коренных народов Сибири: археопаразитологический анализ материалов XVII – начала XX в. / В.Н. Адаев, С.М. Слепченко // *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология*. – 2017. – №1. – С. 103–114.
6. Белич Иг.В. К вопросу о культовых местах тазовских селькупов / Иг.В. Белич, Ир.В. Белич // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. – 1997. – Вып. 1. – С. 99–112.
7. Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров / А.В. Головнев. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 605 с.
8. Прокофьева Е.Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов / Е.Д. Прокофьева // *Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.): сб. МАЭ. Т. 33. – Л.: Наука, 1977. – С. 66–79.*
9. Рахимов Р.Х. Современный погребальный обряд верхнетазовских селькупов (по полевым наблюдениям 2013 г.) / Р.Х. Рахимов // *Ab origine: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета*. Вып. 8. – Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2016. – С. 105–114.
10. Степанова О.Б. Материалы по погребальному обряду тазовских селькупов / О.Б. Степанова // *Радловские чтения (2005)*. – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 165–169.
11. Степанова О.Б. Медведь как образ матери-предка и души человека в традиционном мировоззрении селькупов / О.Б. Степанова // *Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 году*. – СПб.: МАЭ РАН, 2007. – С. 206–215.
12. Степанова О.Б. Мир мертвых и погребальный обряд селькупов / О.Б. Степанова // *Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири*. – СПб.: МАЭ РАН, 2007. – С. 182–198.
13. Степанова О.Б. Об одной из категорий образов души у селькупов / О.Б. Степанова // *Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 году*. – СПб.: МАЭ РАН, 2008. – С. 291–301.
14. Степанова О.Б. Сакральное знание селькупов: почему молчат информанты / О.Б. Степанова // *Сибирский сборник – 4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры (Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой)*. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – С. 340–350.
15. Степанова О.Б. Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью / О.Б. Степанова // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. – 2014. – №2. – С. 124–131.
16. Степанова О.Б. Село Толька и не только / О.Б. Степанова // *Материалы полевых исследований МАЭ РАН*. Вып. 16. – СПб., 2016. – С. 46–66.
17. Степанова О.Б. Селькупы села Совречка / О.Б. Степанова // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. – 2015. – №3 (30). – С. 126–134.
18. Степанова О.Б. Фольклор северных селькупов (полевые сборы 2004, 2005, 2008 гг.). Часть II / О.Б. Степанова // *Материалы полевых исследований МАЭ РАН*. Вып. 17. – СПб., 2017. – С. 37–67.
19. Степанова О.Б. Фольклор северных селькупов: полевые сборы 2004, 2005 и 2008 гг. / О.Б. Степанова // *Материалы полевых исследований МАЭ РАН*. Вып. 12. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 5–31.

References

1. Adaev, V. N. (2014). Varianty zakhoroneniia i tipy namogil'nykh konstrukttsii u verkhetazovskikh sel'kupov (po materialam etnograficheskikh issledovaniia 2013 g.). Ab origine, 104-122. Tiumen': Izdatel'stvo TiumGU.
2. Adaev, V. N. (2017). O roli traditsionnogo mirovozzreniia narodov Severa v kachestve regulatora rezhima prirodopol'zovaniia. Etnos i sreda obitaniia: sbornik statei po etnicheskoi ekologii. Vyp. 5: Issledovaniia sistem zhizneobespecheniia, 137-148. M.: Staryi sad.
3. Adaev, V. N. (2014). Sel'kupy Verkhnego Taza. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, 1, 124-132.
4. Adaev, V. N., & Poshekhonova, O. E. (2016). Pogrebal'naia i pominal'naia pishcha v severosel'kupskom zakhoronenii XIX v.: opyt etnoarkheologicheskogo analiza. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, 3, 127-136.
5. Adaev, V. N., & Slepchenko, S. M. (2017). K voprosu ob arkheologicheskoi rekonstrukttsii pishchevykh traditsii korennykh narodov Sibiri: arkheoparazitologicheskii analiz materialov XVII. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 23: Antropologiya, 1, 103-114.
6. Belich, Ig. V., & Belich, Ir. V. (1997). K voprosu o kul'tovykh mestakh tazovskikh sel'kupov. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, Vyp. 1, 99-112.
7. Golovnev, A. V. (1995). Govoriashchie kul'tury. Traditsii samodiitsev i ugrov., 605. Ekaterinburg: UrO RAN.
8. Prokof'eva, E. D. (1977). Nekotorye religioznye kul'ty tazovskikh sel'kupov. Pamiatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (vtoraia polovina XIX, nachalo KhKh v.): sb. MAE. T. 33, 66-79. L.: Nauka.
9. Rakhimov, R. Kh. (2016). Sovremennyi pogrebal'nyi obriad verkhnetazovskikh sel'kupov (po polevym nabludeniim 2013 g.). Ab origine, 105-114. Tiumen': Izdatel'stvo TiumGU.
10. Stepanova, O. B. (2005). Materialy po pogrebal'nomu obriadu tazovskikh sel'kupov. Radlovskie chteniia (2005), 165-169. SPb.: MAE RAN.
11. Stepanova, O. B. (2007). Medved' kak obraz materi-predka i dushi cheloveka v traditsionnom mirovozzrenii sel'kupov. Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2006 godu, 206-215. SPb.: MAE RAN.
12. Stepanova, O. B. (2007). Mir mertvykh i pogrebal'nyi obriad sel'kupov. Mifologiya smerti. Struktura, funktsiia i semantika pogrebal'nogo obriada narodov Sibiri, 182-198. SPb.: MAE RAN.
13. Stepanova, O. B. (2008). Ob odnoi iz kategorii obrazov dushi u sel'kupov. Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2007 godu, 291-301. SPb.: MAE RAN.
14. Stepanova, O. B. (2014). Sakral'noe znanie sel'kupov: pochemu molchat informanty. Sibirskii sbornik, tungusoveda Nadezhdy Vsevolodovny Ermolovoi), 340-350. SPb.: MAE RAN.
15. Stepanova, O. B. (2014). Severnye sel'kupy: sistema traditsionnykh vzgliadov v zerkale odnogo interv'iu. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, 2, 124-131.
16. Stepanova, O. B. (2016). Selo Tol'ka i ne tol'ko. Materialy polevykh issledovaniia MAE RAN. Vyp. 16, 46-66. SPb.
17. Stepanova, O. B. (2015). Sel'kupy sela Sovrechka. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, 3 (30), 126-134.
18. Stepanova, O. B. (2017). Fol'klor severnykh sel'kupov (polevye sbory 2004, 2005, 2008 gg.). Chast' II. Materialy polevykh issledovaniia MAE RAN. Vyp. 17, 37-67. SPb.
19. Stepanova, O. B. (2012). Fol'klor severnykh sel'kupov. Materialy polevykh issledovaniia MAE RAN. Vyp. 12, 5-31. SPb.: MAE RAN.

Информация об авторе

Степанова Ольга Борисовна – канд. ист. наук, научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Information about the author

Olga B. Stepanova – candidate of historical sciences, research scientist of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation.

Иностраннный пласт чувашской книги

DOI 10.31483/r-97410

УДК 39

Иванова А.М.^{1,a}, Фомин Э.В.^{2,b}¹ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация.²БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация.^a <https://orcid.org/0000-0003-1562-2147>, e-mail: amivano@rambler.ru^b <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

Резюме: Статья посвящена рассмотрению экстерриториальных изданий чувашской тематики. *Цель работы* – установить существенные черты иностранного пласта чувашской книги. Выводы работы строятся на количественно-качественном анализе библиографических указателей и непосредственного изучения самих книг de visu. Авторами статьи экстериорика рассматривается как важная составляющая современной чувашской культуры, наделенная коммуникативной, когнитивно-аккумулятивной, этнопрезентативной и воспитательной функциями. Экстерриториальные издания чувашской книги появляются еще в первой половине XIX в., но лишь к концу XX столетия оформляются в самостоятельный пласт. При этом объективно следует говорить о двух экстериориках – собственно чувашской и поэта Г. Айги. Каждая из них представлена почти 150 изданиями. Преобладающая проблематика иностранного пласта собственно чувашской экстериорика – изучение чувашского языка. Более того, ее примечательной стороной является производство книг на чувашском языке или их издание с параллельными текстами в Швеции и Турции. Экстериорика Г. Айги уже представлена поэтическими книгами на русском языке, изданными в издательстве художника Н. Дронникова во Франции. Настоящая работа является публикацией, должной обеспечить введение в научный обиход литературы, еще не ставшей достоянием чувашеведения. Ее *задача* – способствовать полноценному функционированию современной чувашской науки во взаимосвязи с мировой. Авторы приходят к *выводу*, что в целом иностраннный пласт чувашской книги обладает непреходящей ценностью, и многие из научных изданий, выпущенных в прошлом, учеными справедливо возведены в ранг классических.

Ключевые слова: история чувашской книги, собственно чувашская экстериорика, экстериорика Г. Айги.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта №15-14-21005.

Для цитирования: Иванова А.М. Иностраннный пласт чувашской книги / А.М. Иванова, Э.В. Фомин // Этническая культура. – 2020. – № 4 (5). – С. 28-32. DOI:10.31483/r-97410.

Foreign Layer of the Chuvash Book

Alena M. Ivanova^{1,a}, Eduard V. Fomin^{2,b}¹FSBEI of HE "I.N. Ulianov Chuvash State University", Cheboksary, Russian Federation.²BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.^a <https://orcid.org/0000-0003-1562-2147>, e-mail: amivano@rambler.ru^b <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the consideration of extraterritorial publications on the Chuvash theme. *The purpose of the work* is to identify the essential features of the foreign layer of the Chuvash book. The conclusions of the work are based on a quantitative and qualitative analysis of bibliographic indexes and a direct study of the books themselves de visu. The authors of the article consider foreign books as an important component of modern Chuvash culture, endowed with communicative, cognitive-cumulative, ethno-presentative and educational functions. Extraterritorial editions of the Chuvash book appeared in the first half of the 19th century, and only by the end of the 20th century they formed an independent layer. At the same time, one should objectively speak of two exteriorics – the Chuvash and by the poet G. Aygi. Each of them is represented by almost 150 publications. The predominant problematic of the foreign language layer of the Chuvash book proper is the Chuvash language. Moreover, its notable aspect is the publication of books in the Chuvash language or their publication with parallel texts in Sweden and Turkey. G. Aygi's foreign publications are already represented by collections of poems in Russian, published by the publishing house of the artist N. Dronnikov in France. This work is a publication that should provide an introduction to the scientific use of literature that has not yet become the property of the Chuvash Studies. Its *task* is to promote the full functioning of modern Chuvash science in conjunction with the world one. The authors come to the *conclusion* that, in general, the foreign layer of the Chuvash book has an enduring value, and many of the scientific publications published in the past are rightly elevated to the rank of classical ones by the scientists.

Keywords: history of the Chuvash book, foreign books on Chuvash subjects, foreign books by G. Aygi.

Funding: the study was carried out with the financial support of the Russian humanitarian science Foundation as part of the research project No. 15-14-21005.

For citation: Ivanova A.M., & Fomin E.V. (2020). Foreign Layer of the Chuvash Book. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(5), 28-32. (In Russ.) DOI:10.31483/r-97410.

Введение

Зарубежные книги, связанные с чувашским народом, еще не становились объектом специального архивирования и научного изучения. Сведения о них разбросаны в многочисленных библиографических указателях и базах данных.

В самой среде библиотечных специалистов к иностраннным изданиям сформировалось настороженное отношение, выражающееся в желании избегать их из-за недоступности или малодоступности, незначительности документопотока, запаздывания сведений о выходе книг и пугающего языкового разнообразия [7, с. 224–225].

Исторически чувашская книжная экстериорика берет начало в первой половине XIX в., а во второй половине XX столетия складывается в полноценную систему. По данным на 1 июля 2020 г., общий объем чувашской экстериорики, в основном представленной венгерскими, финскими, немецкими, французскими, шведскими и турецкими книгами, составляет 285 названий. Более того, иностранный пласт чувашской книги сложился в структуру, разделяющуюся на две экстериорики – собственно чувашскую и связанную с именем поэта Г. Айги.

Исследование иностранной чувашской экстериорики ставит целью привлечение внимания отечественных специалистов в области чувашеведения и тюркологии к пласту книг, опубликованных за пределами России. Так сложилось, что зарубежные специалисты знакомы с российским чувашеведением в большей степени, чем чувашеведы России с работами коллег из-за рубежа. Данная работа подводит первые итоги библиографирования дальнейшей экстериорики и зачинает практику учета и коллекционирования зарубежных изданий чувашской тематики в рамках национальной библиографии.

Методы

Цель статьи – описать сущностные параметры иностранного пласта чувашской книги. В основу исследования положены количественно-качественные методы. В работе рассматриваются книги как законченные произведения, обладающие самоценностью. Авторами предварительно были составлены библиографические указатели [см., например: 6], а затем на их основе проведены статистические подсчеты и содержательный анализ.

Результаты исследования

Иностранный пласт чувашской книги – феномен, функционирующий изолированно от носителей самой чувашской культуры на протяжении более чем полутора веков. Данный пласт – важная составляющая чувашской книги. Он обогащает чувашскую культуру, придает ей большую ценность. Благодаря ему чувашская книга функционирует целостно во взаимосвязи с международной книжной системой.

Иностранный пласт чувашской книги – термин условный, объединяющий все многообразие зарубежных изданий независимо от страны их производства и языковой реализации. По данным на 1 декабря 2020 г., зарубежных изданий, так или иначе связанных с чувашской тематикой, насчитывается 285. Пласт содержит поэтические сборники, книги по лингвистике, фольклору, православию и публицистике. К настоящему времени чувашская книга издана на 35 языках в 29 странах.

Дальняя чувашская экстериорика по сути двухсистемна. В ней выделяются следующие самостоятельные структуры: 1) собственно чувашская экстериорика; 2) экстериорика Г. Айги.

1. Собственно чувашская экстериорика представлена 146 названиями, изданными главным обра-

зом в Венгрии, Германии и Турции. Доля собственно чувашской экстериорики составляет 51 процент от общего числа иностранных чувашских изданий. Она по всем параметрам является экстериорикой центральной, и на ее основе может происходить становление иных чувашских экстериориальных образований (в нашем случае экстериорики Г. Айги).

Основные языки собственно чувашской экстериорики – венгерский, немецкий, турецкий, русский и английский. В ней выделяются такие отрасли, как лингвистика, художественная литература, фольклористика, литургическая литература, публицистика, этнография, искусство (живопись), литературоведение, история. В ее составе преобладают монографии, словари, научные сборники, и данная экстериорика преимущественно чувашецентрична.

Зарубежные чувашские издания в оценке чувашской стороной обретают дополнительные функции. Кроме основных – коммуникативной, когнитивно-аккумулятивной – они начинают служить этнопрезентационным и воспитательным целям.

Этнопрезентационная функция направлена на выведение локальной чувашской культуры на международный уровень. Действие данной функции предъявляет высокие требования к качественным параметрам издаваемой книги. Настоящая функция распространяется не только на зарубежные издания переводных чувашских книг, ею же наделяются издания самих зарубежных авторов, ставящие целью описать чувашскую культуру.

Воспитательная функция уже служит формированию лояльного отношения чувашей к своей этнической составляющей. Признание чувашской культуры на международном уровне, зафиксированное в книгах, настраивает носителей этнического сознания на бережное отношение к родной культуре.

Роль иностранных изданий в развитии чувашской культуры и чувашеведения исключительна: во-первых, иностранные книги чувашской тематики представляют другой взгляд на чувашскую действительность, многое привычное для самих чувашей перестает ими осознаваться и открывается новой стороной через восприятие иностранцев; во-вторых, зарубежные чувашские книги являются фактором, который выводит чувашскую культуру на мировой уровень.

В собственно чувашской экстериорике наблюдается медленный восходящий книгопоток. Достаточно сказать, что между первым немецким (1841) и вторым французским (1876) изданиями работы В. Шотта «De lingua Tschuwaschogum» насчитывается 35 лет. Значительные временные промежутки в издании чувашских книг сохранялись вплоть до второй половины XX в.

Максимум изданий приходится на конец XX – начало XXI столетий, которым обеспечивается более половины всех названий.

Знаковый момент данной разновидности экстериорики – производство за рубежом со второй половины XX в. книг чувашских авторов, прежде всего сборников стихов М. Сеспеля, К. Иванова, П. Хузангая.

Собственно чувашская экстериорика – генетически самая иностранная. Большинство авторов, представляющих ее, – зарубежные деятели (около 70 процентов), и их книги являются оригинальными разработками. Особенно это касается научных изданий, доля которых составляет почти 60 процентов.

Стоит особо выделить финское направление, обусловленное желанием национальной гуманитарной науки установить генетические истоки чувашского этноса, первоначально признававшегося финно-угорским [см.: 3]. Турецкое направление, основанное на родственных связях двух тюркских народов, активно развивалось в постсоветскую эпоху в условиях политических и идеологических свобод и за короткий период превратилось в основной раздел иностранного чувашеведения.

В целом же зарубежные издания чувашской тематики имеют европейское происхождение: из 17 стран 12 представляют Европу, четыре – Азию и одна – Северную Америку.

Выбор языка издания находится в зависимости от области, которой касается конкретная книга. Художественная и публицистическая сферы предполагают использование титульных языков. Иначе обстоит дело с научной сферой. Здесь нередко выбор языка диктуется целесообразностью. Так, чувашеведение во второй половине XIX – начале XX вв. в полной мере не могло развиваться на финском языке, поскольку чувашской проблематикой в Финляндии занималось ограниченное число ученых, и финские языковеды изначально ориентировались на участие в чувашеведении мирового масштаба. Ко времени зарождения финского чувашеведения в середине XIX в. языком науки становится немецкий, и финские ученые научные труды создавали на немецком языке.

На тех же основания осуществлялся выбор языка чувашеведения в Венгрии: «В истории венгерской науки тюркология, в частности, чувашеведение, занимает особое место. С одной стороны, она считается национальной наукой, потому что эти занятия изначально были мотивированы выявлением ранней истории венгров. В силу национального интереса значительная часть результатов излагалась перед венгерской общественностью на венгерском языке. Данное положение долгое время характеризовало венгерскую тюркологию, но это означало и то, что для иностранцев продолжительное время не были или же только частично были доступны результаты трудов венгерских ученых. С другой стороны, для работы в данной области на высоком уровне возникла необходимость включиться в заграничную научную жизнь, постоянно держать связь с международными научными центрами, достигшими определенных успехов в области тюркологии. В связи с этим часть венгерских исследователей в основном со второй половины XX века публиковала свои научные труды и на других языках мира» [2, с. 5].

Иной подход к языку науки практикуется в условиях Турции, где работы в области чувашеведения пишутся на турецком языке, исключения редки [см.: 1],

тем самым внешне подчеркиваются их родственные связи.

Обращает на себя внимание востребованность самого чувашского языка в иностранном книгоиздании. Это прежде всего связано с издательской деятельностью Института перевода Библии в Стокгольме, ставящего целью распространение литургической литературы на языках восточных народов.

Другим центром, издающим книги на чувашском языке, является Турция. Воспроизведение чувашских оригинальных текстов параллельно с переводами для турецкой стороны важно с научной точки зрения, поскольку речь идет о родственных языках, и чувашские тексты в такого рода книгах обычно квалифицируются в качестве объекта исследований и учебного материала.

Отраслевая структура чувашской экстериорики включает все значимые сферы деятельности – научную, художественную, литургическую и публицистическую.

Научные издания, чаще лингвистические, с долей в 56 процентов преобладают над остальными.

Другую важную область чувашской экстериорики составляют художественные книги с долей в 34 процента. Таким образом, научная отрасль вкупе с художественной обеспечивают 90 процентов всей чувашской книжной экстериорики. На долю остальных – литургической и публицистической книги – приходится лишь десять процентов.

Книги литургического содержания издавались в Швеции. В 1973 г. Институтом перевода Библии репринтным способом был издан Новый завет. Оригиналом послужила книга «Пирён туррамър Иисус Христос хунă сёне сáмах», выпущенная в 1911 г. в Симбирске. Далее последовали такие книги, как «Иисус Христосён пурна́сё», «Тулáхлá пурна́с», «Бытие», «Иисус – ачасен тусё», «Лука пёлтерне ыра́ хыпар». Последние две книги подготовлены и изданы уже при участии Российского отделения Института перевода Библии, и с этого периода ведение чувашских проектов полностью перешло в его обязанности.

Чувашская экстериорика публицистического содержания фрагментарна и не образует полноценный пласт. За весь период существования чувашской экстериорики изданы всего лишь четыре публицистические книги. Публицистика выступает дополнением к остальным более развитым отраслям.

Национальные разделы чувашской экстериорики к настоящему времени сформировались в Венгрии, Турции, Германии и Финляндии.

Чувашская книга в Венгрии представлена 21 книгой. В ее основе лежит идея, озвученная еще в XIX в., – обосновать тюркское происхождение венгров и их языка. В настоящее время венгерской стороной активно изучаются тюркские заимствования чувашского типа в венгерском языке и история чувашского языка [см.: 2].

В списке чувашской книги Турции 23 названия. Его объемы – самые значительные среди националь-

ных разделов, а отраслевое разнообразие шире, чем у других экстериорик.

Первое издание чувашской книги в Турции состоялось в 1950 г. И это был словарь Х. Паасонена «Çuvaş sözlüğü». Собственно турецкая книга чувашской тематики появляется лишь в 1996 г. Очень скоро в условиях отсутствия политических ограничений чувашская экстериорика Турции превращается в ведущее экстерриториальное образование среди прочих.

Чувашская экстериорика Германии представлена 15 книгами в области языкознания, фольклора, художественной литературы, живописи, социально-культурной деятельности, истории. Фундаментальность немецкому разделу придают труды лингвистов В. Шотта и Й. Бенцинга. Интерес к чувашскому языку в Германии в настоящее время поддерживается не столько с тюркологической точки зрения, где вся тюркология сведена к изучению турецкого языка, а скорее с позиций финно-угроведения, для которого чувашский язык является особенно ценным.

Чувашская экстериорика Финляндии представлена пятью книгами. Однако в ее состав следует также включить три книги Х. Паасонена, одно издание Й. Луутонена, а также индекс монографии М. Рясненена, выпущенные за пределами Финляндии – в Венгрии, Турции, Германии и Великобритании. Финская книга имеет всецело языковедческую специфику.

2. Экстериорика Геннадия Айги количественно конкурирует с собственно чувашской Доля зарубежных изданий поэта составляет 49 процентов от общего числа иностранных книг чувашской тематики.

Г. Айги (1934–2006) – народный поэт Чувашии, командор французского Ордена искусств и литературы, номинант Нобелевской премии. По заключению исследователей его жизнедеятельности, «взгляд Айги устремлен в сердцевину мироздания, в глубинную структуру языка. Поэтому его стихи оказались понятными и близкими многим поэтам разных народов и стран. Слово Айги, вобравшее исторический опыт чувашской и русской культур, – это всечеловеческое слово» [5, с. 16–17].

Айгиевская экстериорика восходит к собственно чувашской. Иностранные книги поэта суммарно начинают преобладать над объемами чувашских зарубежных изданий в 1992 г. С этого времени экстериорике Г. Айги следует квалифицировать в качестве самостоятельного пласта. Всего же его творчество представлено 139 изданиями, осуществленными в 23 странах (при этом, по данным Национальной библиотеки Чувашской Республики, творчество поэта переведено на более чем 50 языков).

Книгопоток айгиевской экстериорики более чем интенсивный. Он ежегодный, с незначительными пропусками в начале творческой деятельности поэта – в 1960–1980 гг., и каждый раз представлен множеством названий: максимальное количество книг приходится на 1995 г., когда было издано 15 книг.

Наибольшую популярность книги поэта обрели во Франции. Таковы итоги совместной работы

с художником Н. Дронниковым, с 1972 г. жившим в Париже. В частности, более 30 книг поэта из 52 французских изданий выпущены в издательстве художника. Нередко книги Г. Айги в исполнении издателя настолько оригинальны, что заслужили в книговедении название дронниковской [4, с. 65].

Издатели Германии и Нидерландов, США и Британии, Швеции и Австрии, Венгрии и Польши и многих других стран также много раз обращались к творчеству Г. Айги, и потому их интерес нельзя назвать случайным.

Особенностью экстерриториальных изданий поэта является высокая доля книг на русском языке – до 30 процентов. Остальные две трети – это переводные книги, наиболее востребованные из которых немецкие, французские, английские и нидерландские.

Поэзия Г. Айги своей выразительностью и неповторимостью нашла живой отклик во всем мире. Она вдохнула в дальнюю чувашскую экстериорик новую жизнь и даже более – заставила ее оформиться в сложное явление с двумя самостоятельными структурами: с собственно чувашской и Г. Айги. Фактически экстериорика поэта оказывает на чувашский пласт иностранной книги сильное влияние через инициированные им или обусловленные его именем книги по чувашской литературе. Таковы, например, антологии чувашской поэзии.

Благодаря жизнедеятельности Г. Айги чувашской литературе определена позитивная судьба. Естественно, чувашская художественная экстериорика в настоящем и будущем будет обуславливаться его именем.

Выводы

В чувашской библиографии иностранная книга до последнего времени не осознавалась особым пластом. В условиях России эта литература все еще остается малодоступной: она поступает в национальные книгохранилища республики, как правило, в качестве дара авторов, иначе говоря, системы ее обязательного комплектования еще не существует. Ко всему прочему, оригинальные иностранные книги научной тематики нередко оказываются недоступными отечественным читателям по языковому признаку.

По сути, иностранный пласт чувашской книги – сложное образование. Он представлен двумя самостоятельными экстериориками: собственно чувашской и айгиевской.

Собственно чувашская экстериорика включает более сотни названий, выпущенных главным образом в Германии, Венгрии, Турции и Финляндии. Основной раздел – лингвистический, обусловленный спецификой чувашского языка. Его непохожесть на другие тюркские языки побудила западных ученых к созданию большого числа чувашеведческих книг, прежде всего монографий и словарей.

Экстериорика же Г. Айги первоначально развивалась в рамках общечувашской иностранной книги, однако с начала 1990 гг. выделилась в самостоятельное образование.

В целом иностранный пласт чувашской книги обладает непреходящей ценностью, и многие из научных изданий, выпущенных в далеком прошлом, ученым сообществом совершенно справедливо возведены в ранг классических.

Благодарность. Авторы выражают благодарность за консультативную помощь сотрудникам Национальной библиотеки Чувашской Республики Г.П. Соловьеву и Т.А. Николаеву.

Список литературы

1. Дегтярев Г.А. Турецкий дискурс в парадигме зарубежного чувашеведения / Г.А. Дегтярев // Чувашский гуманитарный вестник. – 2013. – №8. – С. 62–92.
2. Дмитриева Ю. Hungaro-Tschuwashica: аннот. библиогр. указ. исслед. венг. учен. XIX–XX вв. / Ю. Дмитриева, К. Адыгаши; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары, 2001. – С. 238.
3. Луутонен Й. Финское чувашеведение: краткий исторический очерк и библиографический указатель / Й. Луутонен, Э.В. Фомин // Ашмаринские чтения. – Чебоксары, 2006. – С. 72–85.
4. Николаева Т.А. Книги – «отражение жизни души» (о коллекции изданий Николая Дронникова) / Т.А. Николаева // Библиотекосведение. – 2006. – №1. – С. 64–67.
5. Новиков В. Поэзия 100%. Мир Геннадия Айги / В. Новиков // Геннадий Айги: науч.-вспом. указ. Ч. 1. – Чебоксары: Национальная библиотека Чувашской Республики, 2004. – С. 6–17.
6. Фомин Э.В. Иностранный пласт чувашской книги: библиографический указатель / Э.В. Фомин // Этнопедагогика как фактор сохранения этнокультурных ценностей в современном социуме. – Чебоксары, 2018. – С. 134–143.
7. Фомин Э.В. Чувашская краеведческая библиография: иностранные издания / Э.В. Фомин // Библиографическое обеспечение свободного развития личности. Краеведческая библиография: материалы II Международного библиографического конгресса «Библиография: взгляд в будущее» (Москва, 6–8 октября 2015 г.). – М.: Пашков дом, 2016. – С. 223–230.

References

1. Degtyarev G. A. Tureckij diskurs v paradigme zarubezhnogo chuvashvedeniya // Chuvashskij gumanitarnyj vestnik. – 2013. – №8. – S. 62–92.
2. Dmitrieva Yu., Adyagashi K. Hungaro-Tschuwashica: annot. bibliogr. ukaz. issled. veng. uchen. XIX – XX vv. / Chuvash. gos. in-t gumanitar. nauk. – Cheboksary, 2001. – S. 238.
3. Luutonen J., Fomin E. V. Finskoe chuvashvedenie: kratkij istoricheskij ocherk i bibliograficheskij ukazatel' // Ashmarinskie chteniya. – Cheboksary, 2006. – S. 72–85.
4. Nikolaeva T. A. Knigi – «otrazhenie zhizni dushi» (o kollekcii izdanij Nikolaya Dronnikova) // Bibliotekovedenie. – 2006. – №1. – S. 64–67.
5. Novikov V. Poeziya 100%. Mir Gennadiya Ajgi // Gennadij Ajgi : nauch.-vspom. ukaz. – Cheboksary: Nac. b-ka Chuvash. Resp., 2004. – Ch. 1. – S. 6–17.
6. Fomin E. V. Inostrannyj plast chuvashskoj knigi: bibliograficheskij ukazatel' // Etnopedagogika kak faktor sohraneniya etnokul'turnyh cennostej v sovremennom sociume. – Cheboksary, 2018. – S. 134–143.
7. Fomin E. V. Chuvashskaya kraevedcheskaya bibliografiya: inostrannye izdaniya // Bibliograficheskoe obespechenie svobodnogo razvitiya lichnosti. Kraevedcheskaya bibliografiya: materialy II Mezhdunarodnogo bibliograficheskogo kongressa «Bibliografiya: vzglyad v budushchee» (Moskva, 6–8 oktyabrya 2015 g.). – M.: Pashkov dom, 2016. – S. 223–230.

Информация об авторах

Иванова Алена Михайловна – д-р филол. наук, заведующая кафедрой чувашской филологии и культуры, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация.

Фомин Эдуард Валентинович – канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация.

Information about the authors

Alena M. Ivanova – doctor of philological sciences, head of Chair of Chuvash Philology and Culture, dean of the faculty of Russian and Chuvash Philology and journalism of FSBEI of HE "I.N. Ulianov Chuvash State University", Cheboksary, Russian Federation.

Eduard V. Fomin – candidate of philological sciences, associate professor, head of Department of the Humanitarian and Social-Economic Disciplines Department, BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

К вопросу о культурно-юридическом взаимодействии Сасанидского Ирана и Восточной Римской империи

DOI 10.31483/r-85931
УДК 3394.912:930.85:321.61

Мельник В.М.

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,
Киев, Украина.

<https://orcid.org/0000-0001-5640-0351>, e-mail: melnyk1996ethnology@gmail.com

Резюме: На примере царской титулатуры автор доказывает наличие глубинной мировоззренческой основы в римско-персидской политико-правовой комплиментарности времён поздней античности. *Методы.* Автором использованы «панорамный подход» (по Л.Н. Гумилёву), сравнительный анализ исторических первоисточников и структурно-функциональный метод. *Результаты.* Авторское внимание посвящено античной общности в юридическом содержании императорских титулов, соотношению временного и пространственного понимания власти римских императоров и власти персидских шахиншахов. Выдвигаются: 1) положение об эллинизации Персии во времена Хосрова Ануширвана; 2) тезис о принципе экстерриториальности императорской власти, сформулированный римлянами в эпоху домината и транслированный из Восточной Римской империи в Сасанидский Эраншахр; 3) авторская дефиниция имперской формы государственного правления, базирующаяся на общем для Ирана и Византии принципе «сверхсуверенности». Для дальнейшего обсуждения сформулирован *вывод* об этнокультурной комплиментарности византийцев (восточных римлян) и персов (иранцев), проявившейся в широком многообразии культурных заимствований. Во-первых, пространства Эраншахра и Римской империи считались античными интеллектуалами «единым наследием» эллинистического Азиатского царства Александра Македонского. Во-вторых, корни и смысловое наполнение титулатуры высших суверенов Персии и Рима (императоров) имеют общие культурно-политические корни и военно-административные предпосылки. В-третьих, если на начальном этапе взаимодействия персов и римлян, в эпоху домината (конец III в. н. э.), имело место сильное влияние Персии на повседневную жизнь населения восточноримских провинций, то уже в VI веке восточноримский этнокультурный паттерн «Христианской Ойкумены» стал определяющим в подвластной Сасанидам Месопотамии.

Ключевые слова: Сасаниды, Эраншахр, Ахемениды, Персия, шахиншах, царь царей, империя как тип государственного устройства, юридическая сущность императорской власти, Восточная Римская империя (Византия), Христианская Ойкумена.

Для цитирования: Мельник В.М. К вопросу о культурно-юридическом взаимодействии Сасанидского Ирана и Восточной Римской империи // Этническая культура. – 2020. – № 4 (5). – С. 33-38. DOI:10.31483/r-85931.

On the Question Legal and Cultural Interaction Between the Sasanian Iran and the Eastern Roman Empire

Viktor M. Melnyk

Taras Shevchenko National University of Kyiv,
Kyiv, Ukraine

<https://orcid.org/0000-0001-5640-0351>, e-mail: melnyk1996ethnology@gmail.com

Abstract: In the article, the author defines the concept of ethno-cultural competence of a teacher, his or her ability to organize a diThe purpose of the article is to prove the presence of a deep (archaic) ideological foundation in the Roman-Persian political and legal complementarity of the times of late antiquity. Methods. The author uses the «panoramic approach», comparative analysis of primary historical sources and the structural-functional method. Results. The author's attention is devoted to the antique community in the legal content of imperial titles, the correlation of temporary and spatial understanding of the power of the Roman emperors and the power of the Persian Šāhanšāh's. The main author's thesis: 1) the provision on the Hellenization of Persia during the time of Khosrow Anushirvan; 2) the thesis on the principle of extraterritoriality of imperial power, formulated by the Romans in the era of dominatus and transferred from the Eastern Roman Empire into the Sassanian Eranshahr; 3) the author's definition of the imperial form of government, based on the principle of «over-sovereignty» common to Iran and Byzantium. Discussion. Firstly, the spaces of Eranshahr and the Roman Empire were considered by ancient intellectuals as the «common heritage» of the Hellenistic Asian kingdom of Alexander the Great. Secondly, the roots and semantic content of the titles of the higher sovereigns of Persia and Rome (emperors) had common cultural and political origins and military-administrative premises. Thirdly, if at the initial stage of the interaction between the Persians and the Romans there was a strong influence of Persia on the everyday life of the population of the East Roman provinces, then in the 6th century the East Roman ethnocultural pattern «Christian Oecumene» became decisive in the Sassanian Mesopotamia.

Keywords: Sasanian Empire, Ērānshahr, Achaemenid Empire, Persia, Šāhanšāh, King of Kings, Empire as a Type of State System, Legal Essence of Imperial Power, Eastern Roman Empire (Byzantium), Christian Oecumene.

For citation: Melnik V.M. (2020). On the Question Legal and Cultural Interaction Between the Sasanian Iran and the Eastern Roman Empire. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(5), 33-38. (In Russ.) DOI:10.31483/r-85931.

1. Введение

Нельзя исследовать историю Рима и Константинополя, включая всё Средневековье целиком, без качественного разбора и комплексного понимания системы римско-иранских взаимоотношений

[9, с. 163–167]. Тем более что отголоски данной системы донесли до наших дней уникальный фонд международно-правовых соглашений и юридической договорной базы [6].

В эпоху поздней античности Новоперсидское царство (Иран) управлялось влиятельной царской династией Сасанидов (с 224-го года нашей эры). Сами иранские историки называют Новоперсидское царство (224–655 гг.) не иначе как империей или вселенским царством, что свидетельствует о наличии у сасанидских правителей амбиций править Ойкуменой (аналогичных и тождественных амбициям восточноримских императоров), получивших в публичном обиходе самые изысканные юридические формулировки [23, pp. 113–139].

Так, на новоперсидском и древнеперсидском языках, титул «шаханшах», транслитерированный в современной литературе чаще как «шахиншах» (на арабско-еврейский лингвистический манер), обозначает словосочетание «царь царей» или же «верховный царь» – тот, кто является высшим царём среди других титулованных царей [10].

2. Методы

Для написания данного очерка использован «панорамный подход», позволяющий синтезировать метод исторического хроноскопа с методологией эмпирического обобщения (по Л.Н. Гумилеву, Л.И. Мечникову). Широко применялись сравнительный анализ исторических первоисточников (по Н.В. Пигулевской, Г.Л. Курбатову, З.В. Удальцовой, В.И. Уколовой) и структурно-функциональный метод историко-правовой хронографии (по Э. Дюркгейму, Б. Малиновскому, Т. Парсонсу, И.С. Перетерскому).

Панорамная методика впервые была предложена Л.Н. Гумилёвым (1912–1992) в монографии «Поиски вымышленного царства» (1970). Её смысл зиждется на формуле «Чем больше мы расширим нашу цель в пространстве и времени, тем легче мы в неё попадем». Следовательно, для доказательства комплиментарности греко-римской и персидской цивилизаций в эпоху поздней античности, необходимо использовать принцип панорамного расширения предмета исследования. Соответственно, в результативной части данного очерка, особое внимание посвящено античной общности в юридическом содержании императорских титулов, соотношению временного и пространственного понимания власти римских императоров и власти персидских шахиншахов. История юридических формулировок рассматривается на фоне широкого комплекса фактов цивилизационной истории. В частности, учитывая особенности методологии эмпирического обобщения, делается постоянный упор на ретроспективное изложение аналогий цивилизационного развития ахеменидских и сасанидских времен, республиканской и имперско-доминантной эпох Древнего Рима.

3. Результаты

Сам по себе иранский титул «шаханшах», как и римский титул «император», происходит от древней военно-демократической традиции, когда племена Иранского нагорья (Персии) имели многих вождей («царей»), но во время войны все они объединялись вокруг фигуры самого сильного военного стратега, становившегося их командиром и, следовательно, «царём

царей» [14, p. 112]. Как и в Древнем Риме (VII–I вв. до н. э.), где «император» являлся лишь временной республиканской должностью диктатора (облеченного властью в моменты войны с чуждым политическим образованием или в период варварского бунта), обязанным сложить полномочия перед сенатом после окончания боевых действий (яркий пример такого «императорства» – командование Гая Юлия Цезаря галльскими легионами в середине I в. до н. э. [17, pp. 456–473]), иранский «шаханшах» когда-то был только временным военным стратегом, полководцем. Так обстояло дело вплоть до захвата власти Кирием II Великим из династии Ахеменидов, сконцентрировавшим в своих руках управление персидскими племенами, формально подчиненными Мидийскому царству. В 558 г. до н. э. Кир стал вождем персов, а в 550 г. до н. э. шаханшахом персов и мидян [11].

Кир II Великий, в течение своего правления (558–529 гг. до н. э.) не только подчинил могущественные библейско-месопотамские страны (Мидию, Персиду, Элам, Вавилонию), но также завоевал обширные пространства на востоке – Парфию, Сагартию, Арейю, Гирканию, Маргиану, Хорезм, Бактрию, Гандхару, Саттагидию, Гедросию, всю долину реки Инд. Многие страны подчинились Киру на западе – Армения, Каппадокия, Киликия, Лидия, Египет и даже Ливия. Вавилонский вариант полной титулатуры Кира, найденный во время раскопок Вавилона в 1879 г., звучит так: «Я – Кир, царь царей, царь великий, царь могучий, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырёх стран света» [7, с. 25].

Завоевания наследников Кира, царей Камбиза (529–522 гг. до н. э.) и Дария I Великого (522–486 гг. до н. э.), укрепили мощную систему государственного управления, заимствованную посредством мидийских законов у ассирийских предшественников [13, pp. 159–179], являвшихся, согласно вавилонской письменной традиции, основателями первого имперского режима осуществления власти – первыми в истории «царями царей» [16].

Соответственно, как и в позднейшем Императорском Риме, персы в эпоху правления династии Ахеменидов (558–330 гг. до н. э.) признавали: сущность власти «царя царей» состоит в «управлении другими царями» [16]. То есть империя (в персидском языке – шахиншахство, царство над царствами, или же – сверхсуверенная совокупность царств) считалась формой государственного управления, персонифицирующей множество политически самостоятельных царств в личности юридически сверхполномочного международного правителя – императора (он же – царь царей, он же – шахиншах) [20, pp. 354–384].

Учитывая аналогию наполнения власти персидского «царя царей», не должно оставаться больше никаких сомнений в том, что главная юридическая сущность власти римских императоров состояла в праве считаться высшими руководителями и судьями по отношению к другим правителям, называемым в латинском языке «рексами» [18, p. 139] (на славянский и германский манер – «королями»).

В эпоху домината (284–480 гг.), установленного императором Диоклетианом (284–305) и развитого христианизатором Римской империи Константином Святым (306–337), основным инструментом осуществления императорского права назначения правителей для народов и стран, признающих его высший суверенитет, стала юридическая формула *lex foedus* [19]. Целые народы, в лице своих рексов, становились личными федератами и, соответственно, имперскими подданными. В основе власти римского императора эпохи домината (в восточноримском случае целесообразно утверждать, что этот период домината органически развивался и совершенствовался вплоть до падения Константинополя под ударами турок-османов 29 мая 1453 года), независимо от формы и структуры государственного устройства, лежал произведённый на свет христианским ортодоксальным богословием принцип экстерриториальности [8, с. 22; 26; 30–31].

Заметим, что сегодня экстерриториальную власть, базирующуюся на традициях единства и юридической сущности Римской империи как «Христианской Ойкумены», продолжает осуществлять Римский Патриархат, как действующий публично-правовой институт римского права, персонифицированный посредством абсолютной теократической монархии Папы Римского – главы Римско-католической церкви и суверенного правителя Города-Государства Ватикан, именуемого в дипломатической документации словосочетанием «Святой Престол» [4, с. 85–99].

Важнее, однако, что в IV–VI веках нашей эры этот принцип, доктринализированный во времена римских императоров-доминусов Диоклетиана (284–305) и Константина Святого (306–337), нашел также масштабную поддержку в странах Азии [15], являвшихся партнерами Императорского Рима по взаимовыгодной торговле и непрерывной культурной коммуникации (роль Великого Шелкового пути всегда была громадной!) [3, с. 44–46].

Экстерриториальность как юридическая сущность власти императоров, не обязывавшая верховных правителей, претендующих на вселенскую власть, ограничиваться административными рамками управления подчиненными провинциями, предоставляла постоянную возможность оправдывать новые военные вторжения, экспансионистские устремления или переманивать в свои пределы целые народы из соседних стран [2, с. 44–46].

Экстерриториальность признавалась и принималась «цивилизованным сообществом» как общепринятая практика международных отношений (существовал аналог власти римского императора в экстерриториальной титулатуре шахиншаха Персии, а также подобия в царских юрисдикционных полномочиях правителей Китая и Индии). Очень важно, что эта практика была согласована единственными в мире взаимно правосубъектными (равными друг другу) государственными организмами – Римской империей, Новоперсидским царством Ирана (Эраншахром), раздробленно-дуалистическим и, позднее, Суйским и Танским Китаем, Государством Гупта в Индии [5, с. 74–75].

Учреждение государственного режима домината римлянином Диоклетианом в конце III в. н. э. почти совпало по времени с укреплением абсолютной власти его иранскими современниками [25, pp. 313–360].

Семьсот лет спустя после драматического краха династии Ахеменидов, Новоперсидское царство Ирана (Эраншахр) создал основатель новой Сасанидской династии по имени Ардашир Папакан (224–241 гг.). Он разгромил правившую доселе в Персии Парфянскую династию (250 г. до н. э. – 226 г. н. э.) и в 226-м году короновался «царем царей и четырех стран света» в парфянской столице – городе Ктесифон, расположенном на реке Тигр [24, p. 93].

Вместе со старой парфянской столицей, новый персидский сверхсуверен получил в наследство также и нескончаемую череду римско-персидских вооруженных конфликтов [9, с. 163–167]. Главными детерминантами конфликтов были извечные взаимные претензии на владение всей Месопотамией (включая Нисибис, Ктесифон и Вавилон), Ассирией, Аравийским полуостровом, а также постоянные попытки обеих империй установить сюзеренитет над южноаравийским Йеменом и, соответственно, Аксумской Эфиопией. Все эти взаимные территориальные попользования лишь усилились после Эдикта императора Феодосия (395 г.) о разделе Римской империи на Западную и Восточную части, де-юре сохранявшим традиционную античную государственную структуру посредством применения правовой формулы «два императора – одно государство». В то же время, Сасаниды проводили политику геноцида относительно свободолюбивых армян и стравливали их с ассирийцами. Иран Сасанидов, как и Парфянское государство, официально претендовал на все территориальные утраты древнего Персидского царства Ахеменидов, понесённые вследствие завоевания Александром Македонским ещё в 330 г. до н. э. [1, с. 11]. Нужно помнить, что с самого момента начала существования Римской империи в 27 г. до н. э., Риму нужно было прикладывать много усилий для защиты всех азиатских провинций и даже Египта от персидской угрозы.

К примеру, перемирие между Восточной частью Римской империи и Эраншахром, установленное во времена правления императора Феодосия II Законодателя (408–450) и шахиншаха Йездигерда II (439–457), было заключено после возобновления традиционного римского статус-кво в Армении. Армяне всегда считались естественными союзниками Рима, защищаясь от физического уничтожения, периодически угрожавшего им со стороны персов и ассирийцев. Кроме того, Армения, вплоть до конца V века, была всегда полезна Римской империи как идейно-политический оплот монофизитского христианства. Отметим, что влияние христианства в пределах персидского пограничья было настолько велико, особенно после его легализации императором Константином Святым в 313 г., что во второй половине V века персы вынужденно признали все формы христианства в своей стране [12, p. 263]. Этому особенно способствовало перемирие 441 г., когда главной угрозой «царями царей»

(Феодосием II Византийским и Йездигердом II Иранским) были признаны кочевники-гунны.

Если римляне в конце концов вступили в смертельную схватку с признанным ими же самими в 449 г. Гуннским конфедеративным союзом Аттилы (434–453), то персы оказались под угрозой полного завоевания «белыми гуннами» (так византийский историк Прокопий Кесарийский называл племена гуннов-эфталитов [21, Просор. ВР, I. 3]). И если европейские гунны Аттилы исчезли с этнополитической карты пограничных римских территорий после жуткой резни, учинённой гепидами и остготами (восточноримскими федератами) в Паннонии в 454–455 гг., то гунны-эфталиты, в то же самое время сумели упрочить положение, завоевав к 500 г. треть территории Сасанидского Ирана на востоке. В частности, эфталиты контролировали акваторию Каспийского моря, систематически совершая успешные походы вглубь Индии и Персии.

Так или иначе, римский вопрос (в военно-политическом смысле!) стал для персов второстепенным на целое столетие, вплоть до крушения эфталитской орды под совместными ударами союзных друг другу тюрков, иранцев и индусов в 560–570-х гг. В 566 году шахиншах Хосров I Ануширван (531–579) санкционировал раздел земель гуннов-эфталитов со своими северо-восточными союзниками (тюрками), воссоединив с историческим Ираном все древнеперсидские земли до берегов реки Амударья [22].

4. Обсуждение

Почему же понимание римско-персидского взаимодействия настолько важно, в контексте изучения этнокультурных процессов среди народов Евразии V–VI вв. н. э.?

Не только лишь потому, что Иран испокон веков являлся врагом Рима – и старого (на Тибре), и нового (на Босфоре). Как мы уже видим из характеристики титулов римского императора и персидского шахиншаха (царя царей) – существовало очень много общего между дву-

мя великими империями, особенно в культурно-цивилизационном измерении. Оба государства располагали амбициями невиданного доселе масштаба и одновременно претендовали на территории друг друга, составлявшие не менее трети их стран. Персия являлась тем первым культурным фронтом, где византийская христианская культура, несмотря на частые военные поражения в стычках и пограничных конфликтах тактического значения, сумела победить стратегически. Отставив в сторону постоянные боевые действия между римлянами и персами, не будет преувеличением сказать, что во второй половине VI века Византия (Восточная часть Римской империи) уже почти приняла культурную капитуляцию династии Сасанидов [9, с. 249].

Кроме того, в Иране византийцы впервые столкнулись с тюркскими племенами – изначальноми сообщниками Сасанидов, а также индусов, в деле противостояния гуннам-эфталитам. Вместе с эфталитами, восточные римляне определяли ход истории Персии в V и VI веках. Именно византийцы и эфталиты, сами того не желая и не осознавая, создали общий культурный фон на территории Сасанидского Ирана. И если эфталиты способствовали формированию глубокой пропасти в этнокультурном развитии отдельных персидских субэтносов, нацеливали персов современных Таджикистана и Афганистана в сторону культурной миксации хуннского номадизма и цивилизационного наследия плодотворной долины Инда, то восточные римляне (византийцы) совершили вторую, после похода Александра Македонского в 330 г. до н. э., мирную по своему внутреннему содержанию, эллинизацию Персии.

Итак, можно смело утверждать, что в период между 500-м и 600-м годами нашей эры культурное влияние Восточной Римской империи на землях Сасанидского Ирана многократно превысило и сделало почти невидимым культурное влияние, оказываемое Сасанидским Ираном на Восточную Римскую империю.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. От берегов Босфора до берегов Евфрата: литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии н. э. От берегов Босфора до берегов Евфрата / С.С. Аверинцев. – М.: Наука, 1987. – С. 5–52.
2. Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли / Г.Л. Курбатов. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. – 272 с.
3. Мамлеева Л.А. Становление Великого шелкового пути в системе трансцивилизационного взаимодействия народов Евразии / Л.А. Мамлеева // *Vita Antiqua*. – 1999. – №2. – С. 53–61.
4. Мельник В.М. Еволюція міжнародно-правового статусу Ватикану: історія, сьогодення, українські акценти / В.М. Мельник. – Вінниця: Меркьюрі-Поділля, 2017. – 192 с.
5. Мельник В.М. Смена эпох: очерк формирования римско-византийской доктрины международного права (III–VI века) / В.М. Мельник // *Аннали юридичної історії*. – 2018. – Том 2, №1–2. – С. 63–108.
6. Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI–VII вв. / Н.В. Пигулевская // *Труды Института востоковедения*. Т. XLVI / отв. ред. акад. В.В. Струве. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1946. – 291 с.
7. Потемкин В.П. История дипломатии. Том 1: С древнейших времен до нового времени / В.П. Потемкин. – М.: Директ-Медиа, 2015. – 543 с.
8. Уколова В.И. Империя как «смысл» исторического пространства: попытка политологического анализа, обращенная к прошлому. Власть, общество, индивид в средневековой Европе / В.И. Уколова. – М.: Наука, 2008. – С. 20–34.
9. Хизер П. Восстановление Римской империи. Реформаторы Церкви и претенденты на власть / П. Хизер. – М.: Центрполиграф, 2015. – 575 с.
10. Burke Inlow Edgar. *Shahanshah: A Study of the Monarchy of Iran*. Delhi, India: Motilal Banarsidass, 1979. XXI+280 pp.

11. Dandamaev M.A. A political history of the Achaemenid empire. Transl. into English by W. J. Vogelsang. Leiden: E. J. Brill, 1989. XV+373 pp.
12. Dickens Mark. Echoes of a Forgotten Presence: Reconstructing the History of the Church of the East in Central Asia. Wien: LitVerlag, 2019. 384 pp.
13. Johandi A. Mesopotamian Influences on the Old Persian Royal Ideology and Religion: The Example of Achaemenid Royal Inscriptions. Estonian National Defence College Proceedings. 2012. Vol. 16. Pp. 159–179.
14. Handy Lowell K. Among the Host of Heaven: The Syro-Palestinian Pantheon as Bureaucracy. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 1994. XVIII+218 pp.
15. Hansen Valerie. The Silk Road: A New History. New-York: Oxford University Press, 2012. 320 p.
16. Herzfeld Ernest E. Iran in the Ancient East. New York, Oxford University Press, 1941. XII+363 pp.
17. Leme Andre Luiz. The biography of Julio Cesar and the risks of the absolute power: Suetonio and the Roman policy in times of Hadrian (II century AD). Aedos-Revista do Corpo Discente do Programa de Pos-Graduacao em Historia da UFRGS. 2017. Vol. 9. Issue 21. Pp. 456–473.
18. Lesaffer Randall. European Legal History: A Cultural and Political Perspective. New-York: Cambridge University Press, 2012. IX+549 pp.
19. Lot F. Les invasions germaniques. La pénétration mutuelle du monde barbare et du monde romain. Paris: Payot, 1945. 334 p.
20. Mauntel C. The «Emperor of Persia»: «Empire» as a Means of Describing and Structuring the World. The Medieval History Journal. 2017. Vol. 20. Issue 2. Pp. 354–384.
21. Prokopios. The Wars of Justinian. Trans. by H. B. Dewing, revised by A. Kaldellis. Hackett Publishing Company, Inc., 2014. 642 p.
22. Sauer Eberhard. Sasanian Persia: Between Rome and the Steppes of Eurasia. London and New York: Edinburgh University Press, 2017. 336 pp.
23. Shenkar Michael. The Coronation of the Early Sasanians, Ctesiphon, and the Great Diadem of Paikuli. Journal of Persianate Studies. 2019. Vol. 11. Issue 2. Pp. 113–139.
24. Shirazi Saeed. A Concise History of Iran: From the early period to the present time. Los Angeles: Ketab Corp., 2018. 355 pp.
25. Weber Ursula. Hormezd II, König der Könige von Ērān and Anērān. Iranica Antiqua. 2016. Vol. 51. Pp. 313–360.

References

1. Averintsev, S. S. (1987). Ot beregov Bosfora do beregov Evfrata: literaturnoe tvorchestvo siriitsev, koptov i romeev v I tysiacheletii n. e. Ot beregov Bosfora do beregov Evfrata., 5-52. M.: Nauka.
2. Kurbatov, G. L. (1991). Ranneviziantskie portrety: K istorii obshchestvenno-politicheskoi mysli. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta.
3. Mamleeva, L. A. (1999). Stanovlenie Velikogo shelkovogo puti v sisteme transtsvivilizatsionnogo vzaimodeistviia narodov Evrazii. Vita Antiqua, 2, 53-61.
4. Mel'nik, V. M. (2017). Evoliutsiia mizhnarodno-pravovogo statusu Vatikanu: istoriia, s'ogodennia, ukrayins'ki aktsenti. Vinnitsia: Merk'iuri-Podillia.
5. Mel'nik, V. M. (2018). Smena epokh: ocherk formirovaniia rimsko-vizantiiskoi doktriny mezhdunarodnogo prava (III-VI veka). Annali iuridichnoyi istoriyyi, Tom 2, 1, 63-108.
6. Pigulevskaia, N. V. (1946). Vizantiia i Iran na rubezhe VI-VII vv. Trudy Instituta vostokovedeniia. T. XLVI, M., 291. SSSR.
7. Potemkin, V. P. (2015). Istoriia diplomatii. Tom 1: S drevneishikh vremen do novogo vremeni., 543. M.: Direkt-Media.
8. Ukolova, V. I. (2008). Imperiia kak "smysl" istoricheskogo prostranstva: popytka politologicheskogo analiza, obrashchennaia k proshlomu. Vlast', obshchestvo, individ v srednevekovoi Evrope., 20-34. M.: Nauka.
9. Khizer, P. (2015). Vosstanovlenie Rimskoi imperii. Reformatory Tserkvi i pretendenty na vlast'., 575. M.: Tsentrpoligraf.
10. Burke Inlow Edgar. Shahanshah: A Study of the Monarchy of Iran. Delhi, India: Motilal Banarsidass, 1979. XXI+280 pp.
11. Dandamaev, M. A., Vogelsang, J., & Brill, E. J. A political history of the Achaemenid empire. Transl. into English by W. Leiden., 1989. XV+373 pp.
12. Dickens Mark. Echoes of a Forgotten Presence: Reconstructing the History of the Church of the East in Central Asia. Wien: LitVerlag, 2019. 384 pp.
13. Johandi, A. Mesopotamian Influences on the Old Persian Royal Ideology and Religion: The Example of Achaemenid Royal Inscriptions. Estonian National Defence College Proceedings. 2012. Vol. 16. Pp. 159-179.
14. Lowell, K. Handy Among the Host of Heaven: The Syro-Palestinian Pantheon as Bureaucracy. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 1994. XVIII+218 pp.
15. Hansen Valerie. The Silk Road: A New History. New-York: Oxford University Press, 2012. 320 p.
16. Ernest, E. Herzfeld Iran in the Ancient East. New York, Oxford University Press, 1941. XII+363 pp.
17. Leme Andre Luiz. The biography of Julio Cesar and the risks of the absolute power: Suetonio and the Roman policy in times of Hadrian (II century AD). Aedos-Revista do Corpo Discente do Programa de Pos-Graduacao em Historia da UFRGS. 2017. Vol. 9. Issue 21.
18. Lesaffer Randall. European Legal History: A Cultural and Political Perspective. New-York: Cambridge University Press, 2012. IX+549 pp.
19. Lot, F. Les invasions germaniques. La penetration mutuelle du monde barbare et du monde romain. Paris: Payot, 1945. 334 p.
20. Mauntel, C. The "Emperor of Persia": "Empire" as a Means of Describing and Structuring the World. The Medieval History Journal. 2017. Vol. 20. Issue 2. Pp. 354-384.
21. Dewing, B., & Company, I. Prokopios. The Wars of Justinian. Trans. by H., revised by A. Kaldellis. Hackett Publishing, 2014. 642 p.

22. Sauer Eberhard. Sasanian Persia: Between Rome and the Steppes of Eurasia. London and New York: Edinburgh University Press, 2017. 336 pp.
23. Shenkar Michael. The Coronation of the Early Sasanians, Ctesiphon, and the Great Diadem of Paikuli. Journal of Persianate Studies. 2019. Vol. 11. Issue 2. Pp. 113-139.
24. Shirazi Saeed. A Concise History of Iran: From the early period to the present time. Los Angeles: Ketab Corp., 2018. 355 pp.
25. Weber Ursula. Hormezd II, Konig der Konige von Eran und Aneran. Iranica Antiqua. 2016. Vol. 51. Pp. 313-360.

Информация об авторе

Мельник Виктор Мирославович – канд. полит. наук, главный редактор научного журнала «Анналы юридической истории» (ISSN 2520-2553), ассистент кафедры политологии философского факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев, Украина.

Information about the author

Viktor M. Melnyk – candidate of political sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal “The Annals of Legal History” (ISSN 2520-2553), assistant of the Department of Political Science, Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.

О словаре чебоксарского региолекта русского языка

DOI 10.31483/r-97326

УДК 811.161.1

Фомин Э.В.^{1,a}, Ерина Т.Н.^{2,b}¹БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация.²ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация.^a <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru^b <https://orcid.org/0000-0002-3428-3534>, e-mail: tnerina@rambler.ru

Резюме: работа посвящена обсуждению проблем, связанных с составлением словаря чебоксарского региолекта русского языка. *Цель работы* – рассмотреть макро- и микроструктуру словаря речи жителей г. Чебоксары и агломерации. Авторы пользуются традиционными *методами* лингвистики: описательным, сравнительным, сопоставительным. В основу статьи положены материалы проектируемого словаря, в свою очередь, собранные в ходе многолетних наблюдений за речью чебоксарцев в естественных условиях. Исследователи приходят к *выводу*, что чебоксарский региолект – образец самодостаточного коллективного идиолекта, обладающий устойчивыми специфическими употреблениями литературных единиц русского языка. Указанные единицы могут существовать не только в рамках опубликованных систематизированных списков либо баз данных, их также можно лексикографировать. Представление материала в виде отдельного словаря придает ему больший вес по сравнению с публикациями в форме малых жанров. Лексикографированию предлагаются нетрадиционные урбанонимы, специфичные устойчивые словосочетания и предложения, чувашизмы, которые в целом можно назвать чебоксаризмами. В словарной статье обязательными элементами являются лемма и ее толкование. При этом в ее составе по мере необходимости могут активизироваться такие элементы, как транскрипция заглавного слова и чувашизма, этимологические сведения, иллюстративный материал. По большому счету, словарь призван не только обеспечить научное осмысление чебоксарского региолекта, но и служить утверждению самости региона.

Ключевые слова: чебоксаризмы, региональное варьирование русского языка, чувашский язык, русский язык, языковые контакты.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Чувашской Республики в рамках научного проекта №19-412-210001 р_а.

Для цитирования: Фомин Э.В. О словаре чебоксарского региолекта русского языка / Э.В. Фомин, Т.Н. Ерина // Этническая культура. – 2020. – № 4 (5). – С. 39-42. DOI:10.31483/r-97326.

About the Dictionary of the Cheboksary Regional Speech of the Russian Language

Eduard V. Fomin^{1,a}, Tamara N. Erina^{2,b}¹BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.²FSBEI of HE "I.N. Ulianov Chuvash State University", Cheboksary, Russian Federation.^a <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru^b <https://orcid.org/0000-0002-3428-3534>, e-mail: tnerina@rambler.ru

Abstract: This work is devoted to the discussion of the problems associated with the compilation of the the Russian language dictionary of the Cheboksary region speech. *The purpose of the work* is to consider the macro- and microstructure of the dictionary of speech of the residents of Cheboksary and the agglomeration. The authors use traditional *methods* of linguistics: descriptive, comparative, contrastive. The article is based on the materials of the designed dictionary, which, in turn, were collected in the course of many years of observation of the speech of the Cheboksary residents in natural conditions. The researchers come to a *conclusion* that the Cheboksary regiolect is an example of a self-sufficient collective idiolect, possessing stable specific uses of literary units of the Russian language. These units can exist not only in the form of published systematized lists or databases, they can also be lexicographic. Presenting the material as a separate vocabulary gives it more weight than publications in the form of small genres. Lexicography offers non-traditional urbanonyms, specific stable phrases and sentences, chuvashisms, which in general can be called cheboksarisms. In a dictionary entry, the required elements are the lemma and its interpretation. At the same time, such elements as transcription of the headword and chuvashism, etymological information, illustrative material can be activated in its composition as needed. By and large, the dictionary is intended not only to provide a scientific understanding of the Cheboksary region, but also to serve as an assertion of the region's self.

Keywords: cheboksaryisms, regional variations of the Russian language, Chuvash language, Russian language, language contacts.

Funding: the study was carried out with the financial support of the RFBR and the Chuvash Republic within the framework of the scientific project No. 19-412-210001 r_a.

For citation: Fomin E.V., & Erina T.N. (2020). About the Dictionary of the Cheboksary Regional Speech of the Russian Language. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(5), 39-42. (In Russ.) DOI:10.31483/r-97326.

Введение

Чебоксарский региолект – примечательный вариант русского литературного языка, сложившийся в условиях столицы Чувашской Республики в XX в. По большей части он является результатом значи-

тельного чувашского влияния на русский язык (хотя, заметим, что в нем должны быть и следы собственно русского диалектного происхождения, которые пока еще не изучены), и в чебоксарском региолекте в условиях мощного языкового сдвига в среде чувашей

сохраняется чувашский языковой материал. Скорее всего в этом необходимо заметить мемориальное предназначение чебоксарского региолекта.

Чебоксаризмов, т. е. лексико-фразеологических единиц, фонетических и грамматических маркеров собственно русского происхождения, а также незначительного круга чувашских этнографизмов, присущих речи жителей г. Чебоксары, достаточно для их представления в виде специального словаря. Лексикографирование такого рода материала – лучший осязаемый результат разработки «скучной» научной проблемы.

Методы

В работе изучаются языковые единицы, подлежащие лексикографированию в словаре чебоксаризмов. Их выявление происходит на основе компаративного изучения фактов речи чебоксарцев и представителей иных регионов с учетом усредненного варианта русского литературного языка. Авторами рассматриваются макро- и микроструктура словаря. Макроструктура определяет его лингвокультурологический и страноведческий характер. Микроструктура словаря формируется внутренней логикой включаемого в него материала и состоит из двух-шести разделов. Заметим, что материал словаря – результат многолетних наблюдений авторов за речью жителей Чебоксар в естественных условиях.

В завершающей части работы приводятся образцы словарных статей.

Результаты исследования

Чебоксарский региолект – вариант русского литературного языка (а не просторечия), сложившийся в столице Чувашской Республики в г. Чебоксары. Время его активного формирования – советский период. Но особенно отчетливо речевые особенности жителей Чебоксар начали проявляться в 1980–2000 гг. и к настоящему времени достигли максимального выражения. Наблюдения за речевым поведением чебоксарцев показывают устойчивый характер чебоксаризмов и сложность их корректировки согласно требованиям литературной нормы. Видимо, следует говорить о необходимости признания региональной нормы как варианта русского литературного языка.

Справедливости ради заметим, что просторечный элемент широко представлен в речи чебоксарцев, ср.: Альгешка п. Альгешево, копер ‘Чебоксарский кооперативный институт’, тралик ‘троллейбус’, Чугунок ‘Чувашский государственный университет (ЧГУ)’. По сути он, в отличие от чебоксарского региолекта, представляет параллельную ему некодифицированную лингвистическую структуру и выходит за пределы исследовательского интереса научной группы.

Очевидные лингвистические параметры чебоксарского региолекта к настоящему времени достаточно полно описаны, см., например: [3; 4]. Среди них, к примеру, яканье, высокая частотность воприсительных частиц что ли, да, использование

разговорной частицы, выражающей просьбу -ка в нейтральном значении, разграничение семантики формальных пар брат – братишка и т. п.

Список чебоксаризмов открытый и постоянно пополняется новыми единицами. Только новый материал в этом списке уже более тонкий, имплицитный. Например, слово отсюда в чебоксарском региолекте может выражать значение наречия здесь: Отсюда пойдем или отсюда? (при выборе конкретного пути из двух возможных); наречия зачем и почему используются в роли абсолютных синонимов, и в речевой практике подобное нестандартное употребление русских же единиц можно и не заметить.

В ряде случаев чебоксаризмы трудноописуемы. В число таких маркеров, в частности, следует отнести интонационные схемы, словорасположение, востребованность причастных и деепричастных оборотов в разговорной речи.

Согласно наблюдениям научной группы, важным фактором, придающим речи жителей Чебоксар своеобразное звучание, является чувашский субстрат: практически 80 процентов зафиксированных маркеров чебоксарского региолекта возводятся к чувашским первоосновам.

Надо отметить, что чувашский язык на протяжении последнего столетия неустанно формирует своеобразие русской речи жителей Чебоксар. Чувашское влияние еще недавно поддерживалось урбанизацией чувашского населения республики и его ассимиляцией в условиях города уже во втором поколении, а в последнее время ассимилятивные процессы охватили и сельские население. Стремительный языковой сдвиг цементирует в речи те или иные нерусские употребления. По большому счету чебоксарский региолект – результат интерференентного влияния чувашского языка на русский.

Словарь чебоксаризмов является продолжением региональных изданий авторского коллектива [1]. На его основе в последующем возможна подготовка популярного сувенирного варианта по типу словаря «По-пермски говоря» [2]. Издание подобной книги важно с точки зрения воспитания лояльности к малой родине, а также в целях лингвистического образования жителей Чебоксар и Чувашии.

Макроструктура словаря прежде всего касается его словника и целостного представления о характере справочного издания. Изначально определяется лингвокультурологическая и страноведческая сущность словаря, предполагающего изложение в словарных статьях дополнительной социокультурной информации (см. сердце, Чебоксарский залив в прилагаемом ниже списке).

Микроструктура словаря в полном виде включает в себя следующие разделы: 1) лемму; 2) ее транскрипцию; 3) грамматические пометы; 4) толкование; 5) этимологические сведения; 6) иллюстративный материал.

Обязательные разделы словарной статьи – лемма и ее толкование. Остальные элементы активизируются по мере необходимости.

Лемма – заглавное слово. Им в словаре могут быть лексико-фразеологические единицы (см., например, словарные статьи город, Причебоксарье, Новый вокзал), целые фразы (шутка мар) и служебные слова (что ли, да), словообразовательные аффиксы (-чик) и грамматические форманты (-ахать / -ехать). Возможно допущение в словарь обобщенных теоретических описаний фонетических и синтаксических параметров региолекта. Например, словорасположение, тяготеющее к схеме SOV, можно описать только в специальной словарной статье.

Транскрипция леммы производится лишь в тех случаях, когда она непосредственно возводится к чувашскому источнику (см. сердце, юрять). Допускается обращение к транскрипции и в иных разделах словарной статьи (примеры см. -ахать / -ехать).

Грамматические пометы в словаре используются крайне редко, как правило, лишь для обозначения части речи ряда слов (см. айда).

Толкование – главный раздел словарной статьи. В ней даются объяснения специфичной семантики чебоксаризмов. В толковой части могут приводиться и конкретные адреса (см. Китайская стена), в то же время по этическим соображениям адреса могут опускаться (см. Пьяный дом).

Этимологический раздел продолжает толковую часть словарной статьи. В нем с учетом экстралингвистических условий обосновываются существующие названия или же указывается чувашский материал, обусловивший чебоксаризм (см., например: Новый вокзал, айда, сердце).

Иллюстративный материал приводится в завершающей части словарной статьи и составляет доказательную базу существования чебоксаризмов. Им выступают реальные фразы, зафиксированные в речи чебоксарцев. В словарную статью включается незначительная часть собранного материала, а допускаются лишь наиболее выразительные употребления.

Примеры словарных статей:

АЙДА чувашское айта [ajdǎ], междометие с нейтральным значением в роли сказуемого, указывающее на начало какого-либо действия. Айда, айда уже!

-АХАТЬ / -ЕХАТЬ чувашское -ах (-ех) аффикс с усилительным значением + рус. -а + -ть, формант, присоединяемый к чувашским глаголам в русской речи жителей г. Чебоксары, ср.: ларахать [ларáхат'] 'сидеть', вулахать [вулáхат'] 'читать', калахать [калáхат'] 'сказать', килехать [к'ил'эхат'] 'приходить'. Что без дела ларахаете?

БОКАЛ чашка для питья чая, воды, молока. Пить чай из чашки.

ГОРОД название г. Чебоксары в прилегающих районах. Один билет до города.

ЗАМАМЬЕ микрорайон г. Чебоксары, находящийся за монументом Матери-Покровительницы. Мы теперь в Замамье живем.

-КА частица, выражающая нейтральную просьбу, обусловленная чувашским аналогом -ха. Передайте-ка водителю карту.

КАМОВИЧ замена отчества в случае его неизвестности обращающемуся, например: Виктор Камович, обычно в вопросительной форме, из чувашского кам 'кто'.

КИТАЙСКАЯ СТЕНА дом №77 по проспекту Тракторостроителей в г. Чебоксары; название по длине дома, состоящего из 20 подъездов и 780 квартир.

НОВЫЙ ВОКЗАЛ междугородний автовокзал, построенный в 1980 гг. и выделенный из состава единого вокзала, в настоящее время называемого старым.

ПРИЧЕБОКСАРЬЕ близлежащие территории к Чебоксарам.

ПЬЯНЫЙ ДОМ дом в Юго-Западном районе г. Чебоксары, жители которого злоупотребляют спиртными напитками.

СЕРДЕ [с'эр'д'э] чувашское сердце [с'эр'д'э] 'снять'; растение, активно употребляемое чувашами в пищу в весенний период и заготавливаемое на зиму.

ТАНКОВОЕ УЧИЛИЩЕ межрегиональный центр компетенций – Чебоксарский электромеханический колледж, в 1976–2008 гг. профессионально-техническое училище №19; народное название по памятнику в виде танка Т-34, установленному рядом с колледжем в память о танкистах-участниках Великой Отечественной войны.

ЧЕБОКСАРСКИЙ ЗАЛИВ пруд в центре г. Чебоксары, должен быть заливом при проектной высоте Чебоксарской ГЭС в 68 м.

-ЧИК деривационный аффикс, служащий образованию деминутивных форм от чувашских основ, например, ширтанчик 'маленький шартган', аналог чувашского -чăк (-чĕк).

ЧТО ЛИ, ЧТО ЛЬ вопросительная частица в речи жителей г. Чебоксары, обусловленная чувашскими аналогами -и, -им, -ши, -шим. Родители дома будут, что ль?

ЧУВАШ этноним, традиционно используемый в речи жителей Чувашии в несклоняемой форме. Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки (Симбирск, 1890). Сказки и предания чуваш (Симбирск, 1908). История чуваш как следует еще не написана.

ЧУВАШИЯ Чувашия, региональная акцентологическая форма названия Чувашской Республики, см. Татария.

ШУТКА МАР [шуткă мар] чувашское шутка мар 'не шутка'.

ЮРАТЬ [jurát'] чувашское юрять [jurát'] слово, выражающее согласие.

Выводы

Чебоксарский региолект русского языка – результат специфичного стечения в речи избранных литературных единиц всех уровней, выделяющий жителей г. Чебоксары и агломерации на фоне металефта и других региональных реализаций русского языка. Пласт чебоксаризмов представлен ограниченным количеством единиц (видимо, несколькими сотнями), представляющих по преимуществу

высокочастотные употребления обычных языковых образований. В связи с этим словарь чебоксарского региолекта – словарь смешанного типа, включающий в качестве лемм единицы фонетического, лексического, морфемного и грамматического уровней. Наличие в составе чебоксаризмов многих слов, связанных с чувашскими реалиями, требует включения в него лингвокультурологической информации, и таким образом сам словарь обретает страноведческий характер.

Словарный материал составляют специфичные фразы, чувашизмы и нетипичные топонимы (пред-

ставляется, что системное описание городских урбанонимов заслуживает отдельного лексикографирования).

Микроструктура проектируемого словаря в полной реализации состоит из шести частей: леммы, транскрипции, грамматических помет, толкования, этимологических сведений и иллюстративного материала. На практике разделы словарной статьи по-разному сочетаются между собой: они при обязательных лемме и ее толкования активизируются по мере необходимости.

Список литературы

1. Ерина Т.Н. Чувашское слово в русском контексте: опыт словаря / Т.Н. Ерина, Э.В. Фомин. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – 229 с.
2. По-пермски говоря: словарь пермских слов и выражений. – Пермь, 2013. – 125 с.
3. Фомин Э.В. Маркеры чебоксарского региолекта русского языка // Э.В. Фомин, Т.Н. Ерина // Ашмаринские чтения. – Чебоксары, 2019. – С. 59–61.
4. Erina T.N., Fomin E.V. Russian Language In Modern Conditions: Cheboksary Regiolec // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – Vol. 92. – P. 315–322.

References

1. Erina T. N., Fomin E. V. Chuvashskoe slovo v russkom kontekste: opyt slovarya. – Cheboksary, 2012. – 229 s.
2. Po-permski govorya: slovar' permskih slov i vyrazhenij. – Perm, 2013. – 125 s.
3. Fomin E. V., Erina T. N. Markery cheboksarskogo regiolekta russkogo yazyka // Ashmarinskie chteniya. – Cheboksary, 2019. – S. 59–61.
4. Erina T. N., Fomin E. V. Russian Language In Modern Conditions: Cheboksary Regiolec // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – Vol. 92. – P. 315–322.

Информация об авторах

Фомин Эдуард Валентинович – канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация.

Ерина Тамара Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация.

Information about the authors

Eduard V. Fomin – candidate of philological sciences, associate professor, head of Department of the Humanitarian and Social-Economic Disciplines Department, BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

Tamara N. Erina – candidate of philological sciences, associate professor of the Russian Language and Literature Department, FSBEI of HE "I.N. Ulianov Chuvash State University", Cheboksary, Russian Federation.

Этнокультурная компетентность учителей иностранных языков для общеобразовательных организаций (на примере Республики Саха (Якутия))

DOI 10.31483/r-75796

УДК 372.881.111.1

Неймохова В.Е.

ГКУ «Центр ресурсного обеспечения развития образования»
Министерства образования и науки Республики Саха (Якутия),
Якутск, Российская Федерация.

ФГБНУ «Институт управления образованием РАО»,
Москва, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-4527-3574>, e-mail: anemvera@inbox.ru

Резюме: В статье автор дает определения понятию «этнокультурная компетентность» учителя, его способности к организации диалога самобытных культур. *Цель статьи* – изучить понятие «этнокультурная компетентность педагога иностранного языка» в контексте межкультурной коммуникации.

Методы: рассмотрение положений материалистической философии о гармонии национального, межнационального и общечеловеческого и диалектическом единстве формы и содержания; анализ основных положений компетентностного подхода, теорий и практик развития личности; обзор совокупности философских, культурологических, социологических, психолого-педагогических положений. Теоретическую основу составили идеи перспектив развития и образования в системе нравственно-этических приоритетов, идеи социокультурной модернизации образования, поликультурного образования и воспитания, этнокультурного образования, теории диалога культур.

В результате анализа автор делает *вывод* о том, что обучение и воспитание глобально мыслящего гражданина, знающего культуры и традиции своего народа, достигаются в процессе взаимодействия педагога иностранного языка с представителями различных самобытных культур. По мнению автора, только в данном случае педагог может повысить свою квалификацию и развить компетенции в области этнической культуры. Возможным решением вопроса по развитию этнокультурной компетентности педагогов автор видит в создании стажировочных площадок и предлагает ряд педагогических практикумов по теме исследования. Ключевым пунктом является подготовка компетентных педагогов, умеющих пробудить в учащихся любопытство познания родной этнической культуры и учитывать возможности взаимодействия, взаимоуважения, взаимопроникновения культур.

Ключевые слова: этнокультурная компетентность, знание иностранного языка, поликультурное образование, этнопедагогическая культура, межкультурная коммуникация.

Для цитирования: Неймохова В.Е. Этнокультурная компетентность учителей иностранных языков для общеобразовательных организаций (на примере Республики Саха (Якутия)) // Этническая культура. – 2020. – № 4 (5). – С. 43-50. DOI:10.31483/r-75796.

Ethno-Cultural Competence of Foreign Language Teachers for General Education Institutions (On Example of the Republic of Sakha (Yakutia))

Vera E. Neimokhova

SPI "Resource Allocation Center For Education Development"
of the Ministry of education and science of the Republic of Sakha (Yakutia),
Yakutsk, Russian Federation.

FSBSI "Institute of Education Management of Russian Academy of Education",
Moscow, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-4527-3574>, e-mail: anemvera@inbox.ru

Abstract: In the article, the author defines the concept of ethno-cultural competence of a teacher, his or her ability to organize a dialogue of original cultures. *The purpose of the article* is to study the concept of ethno-cultural competence of a foreign language teacher in the context of intercultural communication.

Methods: consideration of the provisions of materialistic philosophy on the harmony of national, interethnic and universal and dialectical unity of form and content; analysis of the main provisions of the competence approach, theories and practices of personal development; review of philosophical, cultural, sociological, psychological and pedagogical provisions. The theoretical basis consists of the ideas of prospects for development and formation in the system of moral and ethical priorities, the ideas of socio-cultural modernization of education, multicultural education and upbringing, ethno-cultural education, and the theory of cultural dialogue.

As a result of the analysis, the author *concludes* that the training and upbringing of a globally thinking citizen who knows the cultures and traditions of his or her people is achieved in the process of interaction of a foreign language teacher with representatives of various original cultures. According to the author, only in this case the teacher can improve his or her skills and develop competencies in the field of ethnic culture. The author sees a possible solution to the issue of developing the ethno-cultural competence of teachers in the creation of training sites and offers a number of pedagogical tutorials on the research topic. The key point is to train competent teachers who are able to arouse students' curiosity about their native ethnic culture and take into account the possibilities of interaction, mutual respect, and interpenetration of cultures.

Keywords: ethno-cultural competence, knowledge of a foreign language, multicultural education, ethno-pedagogical culture, intercultural communication.

For citation: Neimokhova V.E. (2020). Ethno-Cultural Competence of Foreign Language Teachers for General Education Institutions (On Example of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(5), 43-50. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75796.

Введение

Сегодня ФГОС второго поколения требует расстановки новых акцентов в образовательном процессе по иностранным языкам – приоритетным следует признать развитие школьника, овладевающего иностранным языком как средством межкультурного общения. Среди социальных и моральных вызовов школьному образованию имеют место морально-нравственная дезинтеграция общества; нарушение преемственности поколений, социальных механизмов трансляции национальных духовных традиций и культурного опыта; рост национализма, ксенофобии, усиление центробежных социальных тенденций; усиление миграционных процессов. Отсюда ФГОС нового поколения определяет ключевыми эффектами образования как ведущей социальной деятельности общества следующее: консолидацию общества в условиях роста его разнообразия; формирование российской гражданской идентичности личности; взаимопонимание и доверие друг к другу представителей различных социальных групп, религиозных и национальных культур; конкурентоспособность личности, общества и государства. Таким образом, в современных условиях в образовательном пространстве возникает потребность в подготовке педагогических кадров, сочетающих в себе устремлённость на этнокультурные духовные ценности, толерантность и способность к межкультурному диалогу. Иными словами, сегодня в сфере образования Республики Саха (Якутия) существует спрос на компетентных педагогов иностранного языка в этнокультурном плане.

В результате мировой глобализации и интеграции произошел бурный рост межкультурных контактов во всех сферах нашей жизни: появилось большое разнообразие ситуаций межкультурного общения, таких как учеба в школе и вузе по обмену, стажировке ученых, участие в международных проектах, конференциях, совместные предприятия, туристические поездки и т. д. Умение общаться с представителями различных культур, рассказывать о традициях и обычаях своего народа, своей национальной культуры на иностранном языке, безусловно, способствует развитию кругозора учащихся, позволяет сформировать правильное мировоззрение, личностно и профессионально развиваться. Всего этого обучающийся может достичь и научиться в процессе обучения на уроках иностранного языка, в ходе взаимодействия с педагогом, который обладает этнокультурной компетентностью. В ходе подготовки данной статьи я убедилась, что этнокультурная компетентность как черта профессиональной компетентности не рассматривалась столь упорно. Следовательно, следует хотя бы примерно изучить данное понятие, связав его с родственными понятиями, такими как «поликультурная компетентность», так как речь идет о подготовке личности в контексте межкультурной коммуникации, «этнопедагогическое образование».

Методологической основой являются положения материалистической философии о гармонии национально-межнационального и общечеловеческого и диалектическом единстве формы и содержания; теория и практика развития личности; совокупность философских, культурологических, социологических, психолого-педагогических положений, раскрывающих концептуальные

подходы к формированию этнокультурной личности; основные положения компетентностного подхода, позволяющего сформировать ключевые компетенции, вовлечь учащихся в конструирование своих собственных знаний и обеспечивающего связь обучения с практикой.

Теоретическую основу составили идеи перспектив развития и образования в системе нравственно-этических приоритетов (Б.С. Гершунский и др.), идеи социокультурной модернизации образования (А.Г. Асмолов), поликультурного образования и воспитания (О.В. Аракелян, О.В. Гукаленко, Ю.С. Давыдов, В.В. Макаев, З.А. Малькова, Л.Л. Супрунова), этнокультурного образования (Е.М. Верещагин, И.В. Жуковский, А.Б. Панькин и др.), теории диалога культур (М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, В.С. Библер и др.) [5, с. 5].

Результаты

Изучая вопрос этнокультурной компетенции учителей иностранных языков школ Республики Саха (Якутия), можно обозначить, что такие вызовы времени, как глобализация и информатизация, требуют подготовки и воспитания гражданина, конкурентоспособного в мире, интернационально настроенного и глобально мыслящего, вместе с тем любознательно-уважающего и знающего историю своего народа, свой родной язык, обычаи и традиции своего народа и других этносов, заселяющих территорию региона, где он живет. Обучение и воспитание такого гражданина достигаются в процессе культурно-образовательной и культурно-когнитивной модернизации стиля жизни этнокультурных общностей. Для организации меж-/этнокультурного образования обучающихся необходимо:

- создание образа культуры как результата межкультурного взаимодействия всех социальных групп, как в конкретном регионе, так и в масштабах страны;
- признание ценности межкультурного взаимодействия в обществе со стороны педагогов, представителей власти, родителей и широкой общественности;
- и самое ключевое – *подготовка компетентных педагогов*, умеющих пробудить в учащихся любопытство познания родной этнической и иной культуры и учитывать возможности взаимодействия, взаимоуважения, взаимопроникновения культур [1, с. 136].

Обсуждение

Одной из составляющих культуроемкости образовательной среды является кадровая обеспеченность.

Нелегкая задача по формированию личности, способной к нестандартному самостоятельному решению возникающих проблем, готовой жить в поликультурном обществе, возложена на педагога. От личности педагога, его профессионализма и компетентности зависит успешное формирование личности учащихся, их выбора будущей профессии и в целом его мировоззрение и менталитет. Важно, чтобы актуализация социальных различий и культурного плюрализма не способствовала воздвижению расистских барьеров в поликультурном обществе, не приводила к неверным выводам о предопределённости этнокультурной несовместимости тех или иных этнических групп, не порождала мысль о противоречии между разными культурами.

Учитель – ключевая фигура процесса этнокультурного образования и воспитания. Его профессиональная компетентность и индивидуальные способности определяют успех в развитии поликультурной личности.

По материалам ЮНЕСКО учитель:

- осознает, что его воспринимают как образец для подражания;
- осваивает и использует соответствующие навыки для развития диалога и мирного разрешения конфликтов;
- поощряет творческие подходы к решению проблемы;
- обеспечивает условия для совместной конструктивной активности участников образовательного процесса, условия для личных достижений;
- не поощряет агрессивное поведение или обостренное соперничество;
- содействует вовлечению учащихся и родителей в принятие решений и разработку программ совместной деятельности;
- при осуществлении образовательных программ использует возможности всего сообщества, является чутким к потребностям и мнению сообщества;
- учит мыслить критически и умеет ценить позиции других, при этом четко формулирует собственную позицию в отношении спорных вопросов;
- ценит культурное разнообразие и создает условия для признания культурных различий и их проявления в жизни.

Организация этнокультурной деятельности учащихся на основе педагогического проектирования требует грамотного научно обоснованного подхода и решения комплекса задач организационно-управленческих, учебно-методических, кадрового обеспечения, организационно-методических, информационных, дидактических и психолого-педагогических.

Условием достижения успеха в формировании этнокультурной компетентности учащихся является подготовка действующих педагогических кадров в режиме инновационной детальности школы, т. к. задачи этнокультурного образования смогут решаться только при наличии соответствующим образом подготовленного педагогического коллектива.

Работа с педагогами в рамках поликультурного образования направлена на развитие их этнокультурной компетентности. Вначале целесообразно определиться с понятиями «профессиональная компетентность» и «этнокультурная компетентность». *Этнокультурная компетентность педагога* (Л.Н. Бережнова, И.Л. Набок, В.И. Щеглов) – совокупность и умение функционировать в этнокультурном обществе, знание проблем этого общества, понимание механизмов его развития; социально-активная деятельность и реализация этнопедагогически направленных проектов; способность к оперативности в выборе приоритета ценностей в поликультурном обществе, принимающая правила, нормы, законы, традиции социальной жизни; способность к толерантному взаимодействию в обществе, к адекватному отношению к себе и другим людям с позиции уважения человека; принятие ответственности за решение этнопедагогических задач в условиях полиэтничного состава учащихся; умение реализовать себя как представителя той или иной культуры [5, с. 47].

В статье «Этнокультурное образование будущих учителей для школ коренных народов Севера» профессор, доктор педагогических наук Н.Д. Неустроев отмечает, что формирование этнокультурной компетентности будущих педагогов, осуществляющих приобщение учащихся к этнокультурным ценностям того или иного народа в процессе учебно-воспитательной деятельности, обусловлено тенденциями общественного развития, связанными с актуализирующимся «феноменом этничности» [3, с. 184]. Автор указывает, что, рассматривая содержание понятия «*профессиональная компетентность учителя*», одни исследователи отмечают, что оно выражает единство теоретической и практической готовности учителя к осуществлению педагогической деятельности, проявляющейся в обобщенном умении педагогически мыслить, обладать аналитическими, прогностическими, проектными, рефлексивными, организаторскими и коммуникативными умениями (В.А. Сластенин – Концепция программы «Учитель»). Другие отмечают готовность к продуктивной педагогической деятельности как интеграцию теоретико-методологического, культурного, предметного, психолого-педагогического и технологического компонентов (В.А. Адольф) [3, с. 184].

Можно согласиться с тем, что этнокультурная компетентность формируется в деятельности «по образованию, развитию и воспитанию учащихся средствами этнической педагогики, положенной в основу многих учебных предметов национально-регионального компонента. Изучение учебных предметов, в частности иностранного английского языка на основе традиционной культуры, призвано способствовать развитию нравственных, трудовых, эстетических качеств личности, формированию мировоззрения, кругозора, уважительному отношению к народным традициям и обычаям, осознанию духовной жизни родного народа». Этнопедагогическая культура учителя является составной частью профессионально-педагогической культуры, которую учащиеся приобретают при усвоении и практическом использовании основных факторов народного воспитания. К ним относятся материальная культура (предметы быта, труда, прикладного искусства); духовная культура (фольклор, религия, нравы); социо-нормативная культура (обряды, нормы, этикет).

Стоит признать правильной позицию Н.Д. Неустроева, который отмечает, что «содержание этнопедагогического образования учителей состоит из четырех компонентов»:

- системы знаний о культуре, истории, языке, религии, обычаях, биофизических особенностях и традициях народов;
- системы общих интеллектуальных и практических умений и навыков по передаче национальной культуры;
- опыта творческой деятельности будущего учителя по использованию народного творчества в учебно-воспитательной работе;
- опыта эмоционально-волевого отношения к действительности для формирования сознательной профессиональной позиции [3, с. 185].

Существенными условиями деятельности образовательного учреждения по формированию этнокультурной компетентности школьников являются: повышение этнокультурной компетентности ее руководителей и педагогов, организация и проведение научно-методических семинаров и конференций по исследуемой проблеме.

В образовательных организациях Республики Саха (Якутия) работают более 1500 учителей иностранных языков. Приоритетным иностранным языком, который учат в школах республики, является английский язык, далее идут французский и немецкий языки. Также в некоторых школах в качестве второго иностранного языка преподаются и восточные языки: китайский, корейский, японский. Можно уверенно полагать, что эти 1500 учителей являются представителями различных самобытных культур и этносов. Ведь Республика Саха (Якутия) – многонациональная республика. Помимо якутов и русских, здесь проживают и представители коренных малочисленных народов Севера – эвены, эвенки, юкагиры, чукчи и долганы. Будет примечательно, если на уроке иностранного языка учитель приобщит учащихся к своей самобытной культуре, тем самым демонстрируя свою этнокультурную компетентность.

Безусловно, преподаватель иностранного языка должен быть грамотным специалистом в области методики преподавания иностранного языка и культуры изучаемой зарубежной страны. Однако примечательно, когда учитель иностранного языка в процессе учебно-познавательной деятельности выполняет функцию носителя отечественной культуры, показывая учащимся различные аспекты культуры своего народа, содействует их осмыслению и приобщению к ценным сторонам национальной культуры. Компетентный в этнокультурном плане педагог должен стремиться формировать у учащихся ценностное отношение к истории своего народа; развить интерес к приобретению знаний, умений и навыков по культуре своего народа, обычаев, традиций самобытной культуры народов республики на иностранном языке; грамотно направить учащихся в освоении родного языка и литературы, так как сегодня многие учащиеся или совсем не знают, или плохо владеют своим родным языком. Педагог должен стремиться формировать культуру межнациональных отношений на основе изучения и признания духовных ценностей разных народов. Кроме этого, по моему мнению, учитель иностранного языка должен направить учащихся к освоению различных видов народного творчества, так как, будучи за границей, демонстрируя данное мастерство, учащийся может показать себя только с положительной стороны и вызвать большой интерес к своей личности. Безусловно, всё вышеуказанное относится к другой предметной области. Однако для повышения квалификации и компетентности учителей иностранного языка необходимо в ходе учебной деятельности провести интеграцию языковых, фольклорных, культуроведческих и краеведческих материалов. Возможно, решением данного вопроса стало бы создание стажировочных площадок на базе центров национальных культур, где учителя родных языков, педагоги дополнительного образования в области на-

циональной культуры и учителя иностранных языков взаимодействовали бы вместе и обменялись опытом. Органы управления образованием для этого должны создавать соответствующие условия.

Немаловажным является благоприятная атмосфера на занятиях. В монографии кандидата педагогических наук А.Н. Кузнецова «Компетентностный потенциал дисциплины (на примере образовательной области «Иностранный язык»)» отмечается, что «важным аспектом обучения языкам является создание благоприятных психофизиологических условий. Взаимоотношения, складывающиеся в группе, объединенной деятельностью общения, стимулируют развитие самооценки и саморегуляции. Самопознание и самооценка, включенные непосредственно в учебную деятельность, не только активизируются, но и меняются качественно. Отношения взаимодействия и взаимозависимости вызывают у обучаемых потребность не только правильно понять требования, предъявляемые ему окружающими и конкретной ситуацией, но и предъявить к себе требования, преодолеть внутренние препятствия и правильно оценить свои возможности и результаты своей деятельности. Для того чтобы самооценка и саморегуляция приводили к самоутверждению личности обучаемого и взаимообогащению всех учащихся, преподаватель должен постоянно помогать им» [2, с. 121].

Таким образом, изучая свою национальную культуру посредством иностранного языка, учащиеся вырабатывают опыт межкультурной коммуникации. Участие в международных конференциях, конкурсах и проектах, активная гражданская позиция, выступления перед иностранными делегациями и опыт переводчика дают не только лингвистический, но и неопределимый культурный опыт, в том числе и опыт межкультурного общения [4].

Выводы

В ходе подготовки данной статьи мною был изучен опыт муниципального общеобразовательного бюджетного учреждения г. Якутска «Саха гимназия». В гимназии одновременно успешно ведется углубленное обучение как иностранным немецкому и английскому языкам, так и родному якутскому языку и культуре. Создается атмосфера для погружения в языковую и культурную среду. В статье В.В. Софронеевой и В.Я. Унаровой «Этнокультурные школы в поликультурной среде» абсолютно верно отмечено, что «основные направления достижения этнокультурной компетентности учителей и обучающихся во всех компонентах системы образования включают:

- организацию образовательного процесса на родном языке обучающихся;
- преподавание в рамках основной образовательной программы предметов, отражающих региональные, национальные и этнокультурные особенности, в том числе элективных курсов по языку, литературе, истории и культуре;
- организацию внеурочной деятельности по различным направлениям: по декоративно-прикладному искусству, краеведению, художественно-эстетическому, гражданско-патриотическому воспитанию;

– организацию и проведение различных мероприятий на родном и иностранном языке в рамках знаменательных дней (например, конкурсы чтецов, научно-практические конференции на иностранном языке);

– разработку и реализацию проектов по этнографии и краеведению на иностранном языке, экспедиции по маршрутам с выездом в природные зоны и т. д.» [3, с. 133].

В качестве важного направления можно выделить организацию стажировочных площадок, педагогических практикумов, обучающих лекций и семинаров по развитию компетентности в области этнической культуры для педагогов. Так, в целях обучения педагогов можно провести семинары по следующим темам: «Поликультурное развитие школьников», «Введение этнокультурного компонента на уроках иностранного языка и внеклассных мероприятиях», «Как воспитать гражданина мира», «Диалог культур», «Общение без границ», «На пути к толерантности» и другие.

В заключение следует отметить, что «наличие у педагогов иностранного языка этнокультурной компетентности в контексте полилога культур – эффективная деятельность воспитательно-образовательных структур в сфере этнокультурного образования» [3, с. 135]. Свободное владение родным языком и наличие навыков по культуре своего народа закладывают фундамент для усвоения иностранного языка и культуры, развития полнокорректной связи к другим нациям и способности к межкультурному общению. Только в таком случае общество получит на выходе поликультурную, всесторонне развитую и конкурентоспособную личность, способную быстро интегрироваться в глобальное общество. определяет ключевыми эффектами образования как ведущей социальной деятельности общества следующее: консолидацию общества в условиях роста его разнообразия; формирование российской гражданской идентичности личности; взаимопонимание и доверие друг к другу представителей различных социальных групп, религиозных и национальных культур; конкурентоспособность личности, общества и государства. Таким образом, в современных условиях в образовательном пространстве возникает потребность в подготовке педагогических кадров, сочетающих в себе устремленность на этнокультурные духовные ценности, толерантность и способность к межкультурному диалогу. Иными словами, сегодня в сфере образования Республики Саха (Якутия) существует спрос на компетентных педагогов иностранного языка в этнокультурном плане.

В результате мировой глобализации и интеграции произошел бурный рост межкультурных контактов во всех сферах нашей жизни: появилось большое разнообразие ситуаций межкультурного общения, таких как учеба в школе и вузе по обмену, стажировке ученых, участие в международных проектах, конференциях, совместные предприятия, туристические поездки и т. д. Умение общаться с представителями различных культур, рассказывать о традициях и обычаях своего народа, своей национальной культуры на иностранном языке, безусловно, способствует развитию кругозора учащихся, позволяет сформировать правильное мировоззрение, личностно и профессионально развиваться.

Всего этого обучающийся может достичь и научиться в процессе обучения на уроках иностранного языка, в ходе взаимодействия с педагогом, который обладает этнокультурной компетентностью. В ходе подготовки данной статьи я убедилась, что этнокультурная компетентность как черта профессиональной компетентности не рассматривалась столь упорно. Следовательно, следует хотя бы примерно изучить данное понятие, связав его с родственными понятиями, такими как «поликультурная компетентность», так как речь идет о подготовке личности в контексте межкультурной коммуникации, «этнопедагогическое образование».

Методологической основой являются положения материалистической философии о гармонии национального, межнационального и общечеловеческого и диалектическом единстве формы и содержания; теория и практика развития личности; совокупность философских, культурологических, социологических, психолого-педагогических положений, раскрывающих концептуальные подходы к формированию этнокультурной личности; основные положения компетентностного подхода, позволяющего сформировать ключевые компетенции, вовлечь учащихся в конструирование своих собственных знаний и обеспечивающего связь обучения с практикой.

Теоретическую основу составили идеи перспектив развития и образования в системе нравственно-этических приоритетов (Б.С. Гершунский и др.), идеи социокультурной модернизации образования (А.Г. Асмолов), поликультурного образования и воспитания (О.В. Аракелян, О.В. Гукаленко, Ю.С. Давыдов, В.В. Макаев, З.А. Малькова, Л.Л. Супрунова), этнокультурного образования (Е.М. Верещагин, И.В. Жуковский, А.Б. Панькин и др.), теории диалога культур (М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, В.С. Библер и др.) [5, с. 5].

Результаты

Изучая вопрос этнокультурной компетенции учителей иностранных языков школ Республики Саха (Якутия), можно обозначить, что такие вызовы времени, как глобализация и информатизация, требуют подготовки и воспитания гражданина, конкурентоспособного в мире, интернационально настроенного и глобально мыслящего, вместе с тем любознательно, уважающего и знающего историю своего народа, свой родной язык, обычаи и традиции своего народа и других этносов, заселяющих территорию региона, где он живет. Обучение и воспитание такого гражданина достигаются в процессе культурно-образовательной и культурно-когнитивной модернизации стиля жизни этнокультурных общностей. Для организации меж- / этнокультурного образования обучающихся необходимо:

- создание образа культуры как результата межкультурного взаимодействия всех социальных групп, как в конкретном регионе, так и в масштабах страны;
- признание ценности межкультурного взаимодействия в обществе со стороны педагогов, представителей власти, родителей и широкой общественности;
- и самое ключевое – подготовка компетентных педагогов, умеющих пробудить в учащихся любопытство познания родной этнической и иной культуры и учи-

тывать возможности взаимодействия, взаимоуважения, взаимопроникновения культур [1, с. 136].

Обсуждение

Одной из составляющих культуроемкости образовательной среды является кадровая обеспеченность.

Нелегкая задача по формированию личности, способной к нестандартному самостоятельному решению возникающих проблем, готовой жить в поликультурном обществе, возложена на педагога. От личности педагога, его профессионализма и компетентности зависит успешное формирование личности учащихся, их выбора будущей профессии и в целом его мировоззрение и менталитет. Важно, чтобы актуализация социальных различий и культурного плюрализма не способствовала воздвижению расистских барьеров в поликультурном обществе, не приводила к неверным выводам о предопределённости этнокультурной несовместимости тех или иных этнических групп, не порождала мысль о противоречии между разными культурами.

Учитель – ключевая фигура процесса этнокультурного образования и воспитания. Его профессиональная компетентность и индивидуальные способности определяют успех в развитии поликультурной личности.

По материалам ЮНЕСКО учитель:

- осознает, что его воспринимают как образец для подражания;
- осваивает и использует соответствующие навыки для развития диалога и мирного разрешения конфликтов;
- поощряет творческие подходы к решению проблемы;
- обеспечивает условия для совместной конструктивной активности участников образовательного процесса, условия для личных достижений;
- не поощряет агрессивное поведение или обостренное соперничество;
- содействует вовлечению учащихся и родителей в принятие решений и разработку программ совместной деятельности;
- при осуществлении образовательных программ использует возможности всего сообщества, является чутким к потребностям и мнению сообщества;
- учит мыслить критически и умеет ценить позиции других, при этом четко формулирует собственную позицию в отношении спорных вопросов;
- ценит культурное разнообразие и создает условия для признания культурных различий и их проявления в жизни.

Организация этнокультурной деятельности учащихся на основе педагогического проектирования требует грамотного научно обоснованного подхода и решения комплекса задач организационно-управленческих, учебно-методических, кадрового обеспечения, организационно-методических, информационных, дидактических и психолого-педагогических.

Условием достижения успеха в формировании этнокультурной компетентности учащихся является подготовка действующих педагогических кадров в режиме инновационной деятельности школы, т. к. задачи этнокультурного образования смогут решаться только при наличии соответствующим образом подготовленного педагогического коллектива.

Работа с педагогами в рамках поликультурного образования направлена на развитие их этнокультурной компетентности. Вначале целесообразно определиться с понятиями «профессиональная компетентность» и «этнокультурная компетентность». Этнокультурная компетентность педагога (Л.Н. Бережнова, И.Л. Набок, В.И. Щеглов) – совокупность и умение функционировать в этнокультурном обществе, знание проблем этого общества, понимание механизмов его развития; социально-активная деятельность и реализация этнопедагогически направленных проектов; способность к оперативности в выборе приоритета ценностей в поликультурном обществе, принимая правила, нормы, законы, традиции социальной жизни; способность к толерантному взаимодействию в обществе, к адекватному отношению к себе и другим людям с позиции уважения человека; принятие ответственности за решение этнопедагогических задач в условиях полиэтничного состава учащихся; умение реализовать себя как представителя той или иной культуры [5, с. 47].

В статье «Этнокультурное образование будущих учителей для школ коренных народов Севера» профессор, доктор педагогических наук Н.Д. Неустров отмечает, что формирование этнокультурной компетентности будущих педагогов, осуществляющих приобщение учащихся к этнокультурным ценностям того или иного народа в процессе учебно-воспитательной деятельности, обусловлено тенденциями общественного развития, связанными с актуализирующимся «феноменом этничности» [3, с. 184]. Автор указывает, что, рассматривая содержание понятия «профессиональная компетентность учителя», одни исследователи отмечают, что оно выражает единство теоретической и практической готовности учителя к осуществлению педагогической деятельности, проявляющейся в обобщенном умении педагогически мыслить, обладать аналитическими, прогностическими, проективными, рефлексивными, организаторскими и коммуникативными умениями (В.А. Сластенин – Концепция программы «Учитель»). Другие отмечают готовность к продуктивной педагогической деятельности как интеграцию теоретико-методологического, культурного, предметного, психолого-педагогического и технологического компонентов (В.А. Адольф) [3, с. 184].

Можно согласиться с тем, что этнокультурная компетентность формируется в деятельности «по образованию, развитию и воспитанию учащихся средствами этнической педагогики, положенной в основу многих учебных предметов национально-регионального компонента. Изучение учебных предметов, в частности иностранного английского языка на основе традиционной культуры, призвано способствовать развитию нравственных, трудовых, эстетических качеств личности, формированию мировоззрения, кругозора, уважительному отношению к народным традициям и обычаям, осознанию духовной жизни родного народа». Этнопедагогическая культура учителя является составной частью профессионально-педагогической культуры, которую учащиеся приобретают при усвоении и практическом использовании основных факторов народного воспитания. К ним относятся материальная

культура (предметы быта, труда, прикладного искусства); духовная культура (фольклор, религия, нравы); социо-нормативная культура (обряды, нормы, этикет).

Стоит признать правильным позицию Н.Д. Неустроева, который отмечает, что «содержание этнопедагогического образования учителей состоит из четырех компонентов»:

- системы знаний о культуре, истории, языке, религии, обычаях, биофизических особенностях и традициях народов;

- системы общих интеллектуальных и практических умений и навыков по передаче национальной культуры;

- опыта творческой деятельности будущего учителя по использованию народного творчества в учебно-воспитательной работе;

- опыта эмоционально-волевого отношения к действительности для формирования сознательной профессиональной позиции [3, с. 185].

Существенными условиями деятельности образовательного учреждения по формированию этнокультурной компетентности школьников являются: повышение этнокультурной компетентности ее руководителей и педагогов, организация и проведение научно-методических семинаров и конференций по исследуемой проблеме.

В образовательных организациях Республики Саха (Якутия) работают более 1500 учителей иностранных языков. Приоритетным иностранным языком, который учат в школах республики, является английский язык, далее идут французский и немецкий языки. Также в некоторых школах в качестве второго иностранного языка преподаются и восточные языки: китайский, корейский, японский. Можно уверенно полагать, что эти 1500 учителей являются представителями различных самобытных культур и этносов. Ведь Республика Саха (Якутия) – многонациональная республика. Помимо якутов и русских, здесь проживают и представители коренных малочисленных народов Севера – эвены, эвенки, юкагиры, чукчи и долганы. Будет примечательно, если на уроке иностранного языка учитель приобщит учащихся к своей самобытной культуре, тем самым демонстрируя свою этнокультурную компетентность.

Безусловно, преподаватель иностранного языка должен быть грамотным специалистом в области методики преподавания иностранного языка и культуры изучаемой зарубежной страны. Однако примечательно, когда учитель иностранного языка в процессе учебно-познавательной деятельности выполняет функцию носителя отечественной культуры, показывая учащимся различные аспекты культуры своего народа, содействует их осмыслению и приобщению к ценным сторонам национальной культуры. Компетентный в этнокультурном плане педагог должен стремиться формировать у учащихся ценностное отношение к истории своего народа; развить интерес к приобретению знаний, умений и навыков по культуре своего народа, обычаям, традициям самобытной культуры народов республики на иностранном языке; грамотно направить учащихся в освоении родного языка и литературы, так как сегодня многие учащиеся или совсем не знают, или плохо владеют своим родным языком. Педагог должен

стремиться формировать культуру межнациональных отношений на основе изучения и признания духовных ценностей разных народов. Кроме этого, по моему мнению, учитель иностранного языка должен направить учащихся к освоению различных видов народного творчества, так как, будучи за границей, демонстрируя данное мастерство, учащийся может показать себя только с положительной стороны и вызвать большой интерес к своей личности. Безусловно, всё вышеуказанное относится к другой предметной области. Однако для повышения квалификации и компетентности учителей иностранного языка необходимо в ходе учебной деятельности провести интеграцию языковых, фольклорных, культуроведческих и краеведческих материалов. Возможно, решением данного вопроса стало бы создание стажировочных площадок на базе центров национальных культур, где учителя родных языков, педагоги дополнительного образования в области национальной культуры и учителя иностранных языков взаимодействовали бы вместе и обменялись опытом. Органы управления образованием для этого должны создавать соответствующие условия.

Немаловажным является благоприятная атмосфера на занятиях. В монографии кандидата педагогических наук А.Н. Кузнецова «Компетентностный потенциал дисциплины (на примере образовательной области «Иностранный язык»)» отмечается, что «важным аспектом обучения языкам является создание благоприятных психофизиологических условий. Взаимоотношения, складывающиеся в группе, объединенной деятельностью общения, стимулируют развитие самооценки и саморегуляции. Самопознание и самооценка, включенные непосредственно в учебную деятельность, не только активизируются, но и меняются качественно. Отношения взаимодействия и взаимозависимости вызывают у обучаемых потребность не только правильно понять требования, предъявляемые ему окружающими и конкретной ситуацией, но и предъявить к себе требования, превозмочь внутренние препятствия и правильно оценить свои возможности и результаты своей деятельности. Для того чтобы самооценка и саморегуляция приводили к самоутверждению личности обучаемого и взаимообогащению всех учащихся, преподаватель должен постоянно помогать им» [2, с. 121].

Таким образом, изучая свою национальную культуру посредством иностранного языка, учащиеся вырабатывают опыт межкультурной коммуникации. Участие в международных конференциях, конкурсах и проектах, активная гражданская позиция, выступления перед иностранными делегациями и опыт переводчика дают не только лингвистический, но и неопределимый культурный опыт, в том числе и опыт межкультурного общения [4].

Выводы

В ходе подготовки данной статьи мною был изучен опыт муниципального общеобразовательного бюджетного учреждения г. Якутска «Саха гимназия». В гимназии одновременно успешно ведется углубленное обучение как иностранным немецкому и английскому языкам, так и родному якутскому языку и культуре. Создается атмосфера для погружения в языковую и культурную сре-

ду. В статье В.В. Софронеевой и В.Я. Унаровой «Этнокультурные школы в поликультурной среде» абсолютно верно отмечено, что «основные направления достижения этнокультурной компетентности учителей и обучающихся во всех компонентах системы образования включают:

- организацию образовательного процесса на родном языке обучающихся;
- преподавание в рамках основной образовательной программы предметов, отражающих региональные, национальные и этнокультурные особенности, в том числе элективных курсов по языку, литературе, истории и культуре;
- организацию внеурочной деятельности по различным направлениям: по декоративно-прикладному искусству, краеведению, художественно-эстетическому, гражданско-патриотическому воспитанию;
- организацию и проведение различных мероприятий на родном и иностранном языке в рамках знаменательных дней (например, конкурсы чтецов, научно-практические конференции на иностранном языке);
- разработку и реализацию проектов по этнографии и краеведению на иностранном языке, экспедиции по маршрутам с выездом в природные зоны и т. д.» [3, с. 133].

В качестве важного направления можно выделить организацию стажировочных площадок, педагогических практикумов, обучающих лекций и семинаров по развитию компетентности в области этнической культуры для педагогов. Так, в целях обучения педагогов можно провести семинары по следующим темам: «Поликультурное развитие школьников», «Введение этнокультурного компонента на уроках иностранного языка и внеклассных мероприятиях», «Как воспитать гражданина мира», «Диалог культур», «Общение без границ», «На пути к толерантности» и другие.

В заключение следует отметить, что «наличие у педагогов иностранного языка этнокультурной компетентности в контексте полилога культур – эффективная деятельность воспитательно-образовательных структур в сфере этнокультурного образования» [3, с. 135]. Свободное владение родным языком и наличие навыков по культуре своего народа закладывают фундамент для усвоения иностранного языка и культуры, развития полнокорректной связи к другим нациям и способности к межкультурному общению. Только в таком случае общество получит на выходе поликультурную, всесторонне развитую и конкурентоспособную личность, способную быстро интегрироваться в глобальное общество.

Список литературы

1. Габышева Ф.В. Школа, открытая будущему / Ф.В. Габышева. – Якутск: Изд-во ИРОиПК имени С.Н. Донского-II, 2017. – 304 с.
2. Кузнецов А.Н. Компетентностный потенциал дисциплины (на материале образовательной области «Иностранный язык») / А.Н. Кузнецов. – М.: ФГБОУ ВПО МГАУ, 2014. – 114 с.
3. Этнокультурное образование в Дальневосточном федеральном округе Российской Федерации: коллективная монография / сост.: д-р социол. наук, канд. психол. наук, проф. У.А. Винокурова, канд. пед. наук С.С. Семенова. – Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2015. – 416 с.
4. Сомова С.В. Личность учителя иностранного языка // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1 (часть 2) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20192> (дата обращения: 09.03.2020).
5. Филатова Н.П. Поликультурный компонент обучения иностранным языкам в контексте социокультурной модернизации образования: учебно-методический комплект / Н.П. Филатова. – Якутск: Изд-во ИРОиПК имени С.Н. Донского-II, 2013. – 80 с.

References

1. Gabysheva, F. V. (2017). Shkola, otkrytaya budushchemu., 304. Yakutsk: S.N. Donskoy – II Education Development and Advanced Teacher Training Institute.
2. Kuznetsov, A. N. (2014). Kompetentnostnyy potentsial distsipliny (na material obrazovatel'noy oblasti "Inostranny yazyk") [Competency Potential of the Discipline (on the material of educational area "Foreign Language")], 114. Moscow: Moscow State Agroengineering University named after V.P. Goryachkin (MSAU).
3. (2015). Etnokul'turnoe obrazovanie v Dal'nevostochnom federal'nom okruge Rossiiskoi Federatsii. Vinokurova, U. A., Semenova, S. S. (com.), 416. Yakutsk: Media-kholding "Yakutiya".
4. Somova, S. V. (2015). Personality of Foreign Language Teacher. Modern problems of science and education, Vol. 1 (part 2). Retrieved from <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20192>
5. Filatova, N. P. (2013). Polikul'turnyi komponent obuchenii inostrannym iazykam v kontekste sotsiokul'turnoi modernizatsii obrazovaniia., 80. Yakutsk: S.N. Donskoy – II Education Development and Advanced Teacher Training Institute.

Информация об авторе

Неймохова Вера Еримеевна – главный специалист ГКУ «Центр ресурсного обеспечения развития образования» Министерства образования и науки Республики Саха (Якутия), Якутск, Российская Федерация; аспирант ФГБНУ «Институт управления образованием РАО», Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Vera E. Neimokhova – chief specialist of SPI “Resource Allocation Center For Education Development” of the Ministry of education and science of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russian Federation; post-graduate student of FSBSI “Institute of Education Management of Russian Academy of Education”, Moscow, Russian Federation.